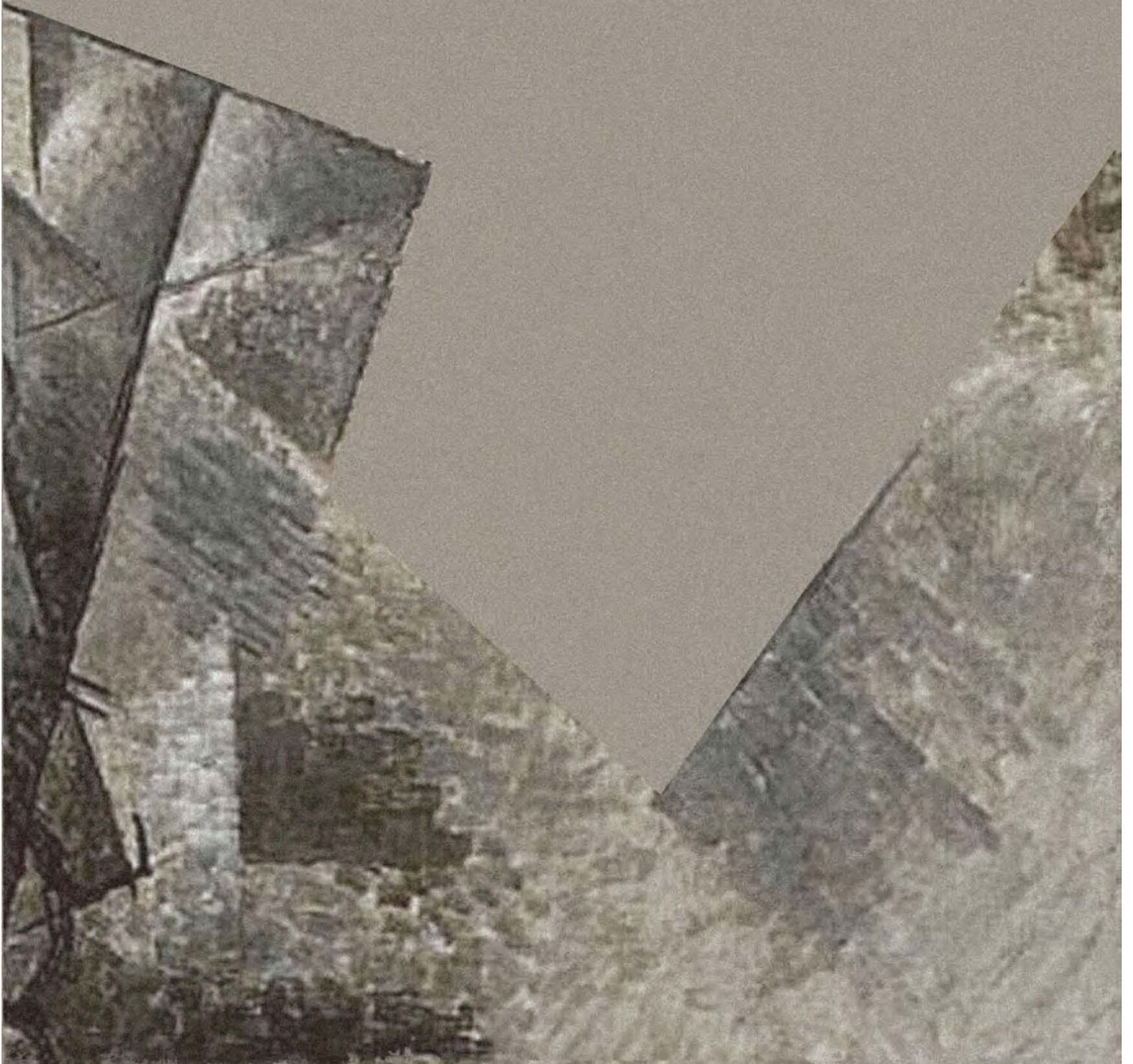

МАКСИМ РУСАНОВ

КЫХМА

Максим Русанов

Кыхма

«Пробел-2000»

2020

УДК 821.161.1-1 Русанов
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Русанов М.

Кыхма / М. Русанов — «Пробел-2000», 2020

ISBN 978-5-98604-763-8

В книге представлен литературный текст Максима Русанова (1966–2020), необычный по стилистике и жанру. Развернутая автором феерическая картина соотнесена с определенным историческим временем: середина восьмидесятых – время стремительного распада советских устоев жизни, девальвации ее символов, деградации производств и человеческих сообществ, что особенно сказалось на далеких окраинах страны. События «Кыхмы» происходят в «несуществующем» селении степного Забайкалья, и это «небывалое» действие уводится в ирреальное измерение, где разворачивается вымышленный мир, тяготеющий к антиутопии.

УДК 821.161.1-1 Русанов
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-763-8

© Русанов М., 2020
© Пробел-2000, 2020

Содержание

Поэтика безвременья	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Максим Русанов

Кыхма

© М. Русанов, текст, 2020

© Н. Александрова, 2020

Поэтика безвременья

Вместо предисловия

В начале 2020 года российский индолог, профессор санскритологии и классической индийской литературы, переводчик индийской и персидской поэзии и прозы Максим Русанов (1966–2020) закончил работу над большим литературным текстом – «Кыхма», жанр которого он определил как «роман-сказка». Это произведение никак не связано с предметом его научных занятий, и лишь углубляясь в чтение, можно уловить почти незаметные, тонкие нити, проникающие в словесную ткань и соединяющие его литературное творчество с индийской филологией.

Людей, хорошо знавших Максима – с его радостным видением жизни и тихим, доброжелательным приятием всех ее многосторонних проявлений, – может удивить атмосфера тоскливого безвременья, не оставляющая читателя «сказки». Размышляя над этим противоречием, нужно почувствовать те внутренние пружины, на которых держится структура этого текста, и ту расстановку смыслов, на которой строится его звучание; кроме того, надо принять во внимание личный опыт автора, позволивший ему в качестве основного фона развернуть картины болезненно-тяжелой действительности, о которой он мог свидетельствовать как очевидец.

Максим пришел в науку непростым путем – еще до поступления в МГУ он получил опыт нескольких профессий. Окончив железнодорожный техникум, работал бригадиром-путейщиком на Октябрьской железной дороге, потом электромонтажником, а период армейской службы провел в военном совхозе в Забайкалье. Солдаты-срочники вместе со степными чабанами перегоняли стада овец, они работали на молочной ферме, перевозили неподъемные бидоны с молоком, разгружали вагоны с каменным углем. Полуголодные будни, ночевки в промерзших землянках, косивший солдат гепатит, сезонная стрижка овец – кровавое, изнуряющее действие в неумелых руках новобранцев, от которых требовали гонки с выполнением плана по выстриженному поголовью. В этих краях овцы пасутся круглый год – зима в забайкальских степях бесснежная, и странно нездешнему человеку видеть, как при жестоком морозе поднимается пыль над проселочной дорогой.

Именно это памятование о степной, живущей по своим законам глухумани легло в основу «романа-сказки». Память настаивалась десятилетиями, прошла сквозь «литературные фильтры» в мысленных опытах искусственного филолога и кристаллизовалась в образах почти мифологических. Но развернутая автором феерическая картина соотнесена также и с определенным историческим временем. Середина восьмидесятых – время стремительного распада советских устоев жизни, девальвации ее символов, деградации производств и человеческих сообществ, и эта разрушительная сила роковым образом ударила именно по окраинам империи. Позволю себе обратиться к собственным воспоминаниям, относящимся, правда, к местам не столь удаленным – калужским лесным пространствам, где доживали свой век последние – уже не колхозы, а некие пустотелые слепки колхозных порождений. Чтение «сказки» с неизбежностью возвращает к этим видениям – и снова предстают перед глазами искореженные, разбитые колхозные бараки и фермы, с вывороченной арматурой, уже изъеденной дождями, и ветер, ветер... Помню, как переходила перестоявшее, иссохшее поле и не могла понять, почему в воздухе стоит такой всепроникающий шорох – а это осыпалось зерно, которое так и не убрали в тот год... Такое сопоставление далеко отстоящих друг от друга «глухих углов» (и отсюда – узнаваемость даже мелких примет происходящего) дает возможность представить, как всеохватна была эта картина пустоты и упадка на огромных пространствах огромной страны. На далекой окраине, в затерянных селениях Забайкалья «степень распада» доходила до крайних пределов. Места отбывания сроков, места ссыльные. Поблизости от той военной части была зона

– зековская составляющая неизбежно пополняла население выморочных поселков. Бесконечные, покинутые степи.

Трагизм «Кыхмы» извлечен (и возведен в степень) из того переломного времени, когда отжившая, упадочная уже в своей основе среда переставала быть, а пришедшая ей на смену – довершала разрушение. Исчезновение, «истончение» цивилизованности – эта большая струна звучит постоянно всплывающим рефреном, особенно в первой части «сказки», где задается вся пространственно-временная перспектива, разворачивающаяся в печальном действе: «Какая война прокатилась в этих местах? Линия какого фронта здесь проходила?... Здесь прошла самая тихая из всех войн. Великая война времени...»

Выраженные в гротескных «призраках» вещей и людских пороков, картины упадка разрастаются в целостный, сгущенный образ цивилизационного слома, данного в глубокой ретроспективе – намного более глубокой, чем падение очередной государственной системы, и включение библейской лексики еще более усиливает этот смысловой фон. Чувство «сломанности» явлено и в руинированной предметности, и, можно сказать, в самом построении «сказки», с его возвращениями, вставками и внезапными разворотами – возникает некая напряженная конструкция, которая, слышится, даже «скрипит» на стыках, как те самые проржавевшие руины на ветру.

Однако эти бесконечные видения изломанного, разрушенного бытования, доведенные до призрачности, это сгущение красок, при всей очевидной связи «строительного материала» с конкретной эпохой – имеет глубоко опосредованное отношение к какой-либо действительности. В этом – сказка, небыль, где силы мрака и света абсолютизированы. Столкновения доведены до черно-белого контраста – абсурд и подразумеваемое прозрение, низость и неожиданная святость, уродство и посягательство на небесную красоту. Динамика смысловых столкновений становится все более сильной по мере развития действия, достигая апогея в последних эпизодах. Идея «небыли» просматривается в постоянном напоминании о «несуществовании» Кыхмы – этого названия «нет на картах», такого поселка «вообще нет», и все происходящее в пределах этого мысленно очерченного пространства уводится в ирреальное измерение, где разворачивается вымышленный мир, тяготеющий к антиутопии.

Пространство и время «сказки», сплетенные в один вихревой поток, подвластны сжимающей и разжимающей силе. Время падает в вековые провалы, обозначенные то державной фигурой победоносного императора, незаметно соскальзывающей с истрепанной журнальной картинке на стене, то древними, степными, хтоническими образами. Или почти застывает в одном растянутом жесте – от замаха до зуботычины. Пространство способно расстелиться вширь, до размеров империи – с постоянным, гоголевским «отбрасыванием к столице», оно может съежиться до «маленького клочка зеленой ткани», в котором сосредоточился весь мыслимый мир отчаявшегося, опустившегося мусульманина, – и снова развернуться до пределов мироздания: «Когда же все люди восстанут от сна, необъятным станет коврик, не будет ему предела». При этом «обрамляющий» хронотоп очень «тесен» – действие длится в течение одного дня и не выходит за границы разрушенного поселка.

Сами персонажи романа-сказки несут в себе эти сгустки пространственно-временных полей – и за поселковым авторитетом невидимо вырастает призрак древнего, плотоядного степного божества, а монументальный образ его антагониста превращает его в надмирное существо, охватывающее космос. Моменты их первого появления разведены по этим полюсам, и тогда медлительное вхождение «хозяина» в тесное земляное обиталище сжимает тяжелым страхом («Он – металлический идол, выкованный древними демонами степей в тайных подземных кузницах возле глубоко залегающих руд. Он движет себя к столу в землянке, как к алтарю своего капища. Лишь так, медленно, шаг за шагом, может он нести свое чугунное тело»), а резкий, буквально разрывающий плотное полотно рассказа приход главного «вершителя», посланца неумолимой судьбы – распахнутая дверь, сотрясение того же самого убогого

жилища – слышится как внезапное сотрясение мироздания. Его, «Сына Человеческого», деяния, совершаемые на клочке земли в пределах заброшенного поселка, в прибежищах разрухи и людской озлобленности, создают предельную, грозовую накаленность атмосферы, пульсирующей между карой и милосердием. Вокруг него витает преобразованная библейская лексика («претерпеть муки распятия прямо на досках деревянного пола»), хотя она дает именно отсылки, а не аналогии, расставляя значимые акценты в созданной автором смысловой конструкции.

Странствия карающего героя влекут за собой собирание (один за другим, по принципу кумулятивной сказки) мелких, всякий раз по-своему опустившихся персонажей, вездесущих, выползающих из углов, – в некое странное сообщество, которое следует за кумиром. Образы деградации множатся на глазах и наконец сбиваются в плотный ком – произносится слово «ополчение», «ополчение последних дней», а затем даже «община одного дня»; эта разношерстная стая, напоминающая сборище демонических чудищ, приобщенных к выполнению неясной для них миссии, – вершит последовательную расправу, которая отсылает к вселенскому образу Страшного Суда. Вся композиция держится как будто на очень сильной пружине, которая под конец отбросит все к самому началу – в ту же пустую комнату, к той же обезображенной жизнью, забитой старухе, слабая тень которой теперь засияет иным, возвышающим смыслом.

Многофигурность и многоголосность присущи «сказке» от начала до конца, множественные сюжетные линии сплетаются и расплетаются, образуя причудливую, сложную композицию. Каждой части свойственно свое внутреннее напряжение, с самого начала. Читатель вводится в пространство «сказки» через построение, выполненное в контрапунктическом ключе. Слава императорской короны, «шелковый перелив голубой орденской ленты» – глянцевая картинка роскоши и величия легким призраком накладывается на эскиз тоскливого запустения, выполненный в тусклых, ржаво-серых тонах и переносащий в другие времена. Такой принцип подспудно присутствует во всем продолжительном тексте, проявляясь то в неожиданно высокопарной лексике, отбрасывающей к иным контекстам, то в повторяющихся провалах «в былые времена», вслед за которыми всякий раз происходит очередное «выныривание».

В «Кыхме» переменчиво все, модальность отдельных фрагментов может быть совершенно разной. Зарисовка словно воочию наблюдаемого действия с тонко подмеченным жестом. Абсурдное «интервью». Переходы к плавному, фольклорному тону. Сатира на тему советской несурзацы. Неожиданные «взлеты» к провидческим озарениям или к замедленному, живописно-печальному размышлению, как будто уплывающему ввысь: «Налетает ветер. Шуршит пыль. А брошенные человеком постройки словно растворяются в синеве. Эта синева льется в дом сначала через выбитые окна, затем – через прорехи в крыше, а затем – через проломы в стене, где вынуты кирпичи. Эти кирпичи, они такие хрупкие, такие эфемерные в этих краях, они тают в синеве, как куски сахара в стакане горячего чая».

Изобразительность текста, настраивающая в основном фоне на «однообразность», «ветхость», «подверженность тлению», прибегает и к переносам свойств между обликом человеческим и предметным, предметным и пространственным – и это приводит к особенной спаянности целостной картины бытования. Уподобленные живым существам механизмы вездесущи и угрожающи, они требуют «обрядов умилоствления», люди же, сросшиеся со своими механическими сообщниками, становятся их воплощением («словно котел с сорванным аварийным клапаном, испустил протяжный, пронзительный вопль»). Имеющее свои традиции в литературе «одушевление» механизмов здесь приобретает особое качество, создавая слитность изломанного, опустившегося сосуществования полуживых обитателей Кыхмы с их «зловещими идолами» – скрежещущими, неподатливыми приспособлениями.

Пристрастность «книжника», одержимого читателя (из любимого – Данте, Маринетти, Платонов) наложила свой отпечаток на все произведение. Текст «романа-сказки» изобилует

литературными реминисценциями, скрытыми цитатами – точными («О Капитан, мой Капитан») или же видоизмененными, но узнаваемыми («многоуважаемый предмет мебели», «самовитые, как слово поэта»). Отдельные образы и мотивы могут нести в себе разнообразные следы воздействия разных пластов мировой литературы. Особым образом проявился и «индийский след», проникший из профессиональных индологических штудий. Так, при прочтении можно уловить предельно развернутые метафоры, с очевидностью напоминающие *рупаку*, характерную для классической санскритской поэзии: «Синие полосы этого бугристого, комковатого покрывала чередой морских волн бежали к темному утесу лохматой, бородатой головы, торчавшей в дальнем конце топчана...» – отнесенный к столь низменному предмету, как старый изношенный матрас, этот изощренный прием создает одновременно ироничное и горестное звучание текста. Линии, восходящие к индийской литературе, просматриваются и во вставной истории о полоумном докторе. Этот гротескный образ родственен хорошо знакомым автору персонажам санскритской *прахасаны* («смеховой» пьесы), изображающей нелепый, «перевернутый мир», где учитель выглядит шутом, а врач вызывает болезни.

При всей «многоликости» этого текста – с его подчас кинематографичной сменой планов, поворотами угла зрения, движениях «толчками», перепадами, переходами от фарса к патетике – создается некая слитность звука, подспудно присутствующая во всем повествовании. Возможно, это «звук ветра», к которому автор возвращается вновь и вновь, и в нем – уход времени, непрочность бытия. Сопки, бесконечные сопки – и «налетавший с их вершин ветер, словно дорожную пыль, уносил вдаль слова, которые, следуя за атмосферным фронтом, долго носились по поднебесью, чтобы, миновав степи, леса, горы и равнины, опуститься наконец на землю где-то на тротуаре посреди неизвестной улицы, так что закружатся вихрем вокруг недоумевающего прохожего ключья чужого рассказа, разорванного воздушными потоками».

«Кыхма» по замыслу должна была стать первой частью «романа-сказки» с общим названием «Письмо дезертира», но автор не успел приступить к написанию второй – поэтому текст одновременно и завершен, и оборван. И в этом еще одна неоднозначность, недосказанность, повод для разнообразия размышлений. Наверное, опыт прочтения этого «неожиданного» текста может быть разным, но, несомненно, «Кыхма» вызовет интерес в нашей читательской среде.

Автор закончил работу над рукописью в феврале 2020 года, отредактировав текст до конца. Оставалось внести лишь корректорскую правку, и мы старались справиться с этим вместе, поэтому все поправки, сделанные в первой части текста (более половины), согласованы с автором. Оставшаяся работа по подготовке рукописи к печати выполнена мной, и хотелось бы выразить благодарность Дмитрию Комиссарову, нашему коллеге, редактору и соавтору по научным работам, к которому всегда можно было обратиться за советом: текст изобилует сложными синтаксическими конструкциями и просторечными фразеологизмами.

Наталья Александрова

* * *

Пустая комната украшена портретом Петра Великого. Изображенный в полный рост самодержец порывист и нетерпелив, он рвется вперед, к славной виктории, и никакие стены не устоят перед этим порывом. Поэтому комната кажется больше, чем на самом деле. Еще она кажется светлее. Ведь сияет не только взгляд, парадный портрет щедр на яркие краски – драгоценности императорской короны, шелковый перелив голубой орденской ленты, свободно спадающей на грудь с монаршего плеча, прихотливое золотое шитье камзола – все излучает радостный блеск. Даже сапоги. Мастер писал их с особым тщанием. Их ослепительный заморский лоск торжественно завершает царственный образ, ставит черную точку в пестром перечне драгоценных регалий и атрибутов.

Портрет вырван из глянцевого журнала и без затей помещен на покрытую грязной штукатуркой стену. Большой ржавый гвоздь – один из тех вечных гвоздей, что вбиты в незапамятные времена и пережили все перемены, перестановки, перестройки, катаклизмы и превратности фортуны – торжествующим хамом проткнул яркую журнальную страницу и теперь нагло торчит из рваной бумаги прямо над короной, венчающей голову властелина.

И вот, держась под самым потолком на этом старом, порыжевшем от ржавчины гвозде, монарх всем своим блеском старается хоть как-то оживить пространство пустой комнаты. Он – словно сумасшедший, заблудившийся попугай, неведь каким ветром занесенный в тусклое безлюдье, чтобы найти последний приют на холодной, металлической жердочке.

На потолке причудливая сеть трещин, опутавшая узор из желтых, цвета мочи, разводов, напоминает карту какой-то неведомой империи, где границы бесчисленных губерний и округов ветвятся, накладываются друг на друга, сходятся и расходятся вновь, отражая административное деление, родившееся в недрах чрезмерно раздутого госаппарата или одинокого шизофренического ума. Однако и это безумие не лишено своей системы, ибо весь этот региональный бред, вся эта география ночного кошмара, как будто повинуюсь воле неведомого картографа-маньяка, сходятся к одной точке, словно к достославной, первопрестольной столице – к большой темной дыре от вырванного плафона в центре потолка, откуда давно обесточенный длинный провод свисает, как веревка для самоубийства, заранее приготовленная на черный день.

Впрочем, не только лучезарный портрет императора украшает пустую комнату. Стену напротив покрывает хитроумный узор – следы своевременно локализованного и ликвидированного пожара. Огонь-живописец густыми мазками наносил жирную, лоснящуюся копоть на белую грунтовку стены. Он изобразил черные реки, извилистые и плавные, устремившиеся вверх, впадающие в траурное озеро сажи, неподвижно раскинувшееся там, где плоскость стены встречается с плоскостью потолка. В центре этого некогда бурного разгула огненной стихии видна оплавленная надпись – ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

Что именно запрещается делать в пустой комнате, на данный момент сказать невозможно. Когда-то этим суровым окриком, этим предостережением, грозящим зрителю жезлом восклицательного знака, открывался подробный список запретов, некий свод законов пустой комнаты. Конечно, здесь были ужасные строгости. Мол, тут у нас не забалуешься! Тут у нас и не такие по струнке ходят! У нас даже и не пытайся! Страшные кары грозили всякому, кто осмелится ослушаться, не подчиниться, восстать, проявить строптивость. И была изготовлена пластмассовая скрижаль. И крупными буквами пункт за пунктом было начертано – вот это нельзя, вот то ни в коем случае, а вот о том даже и не думай. И была та скрижаль крепко-накрепко по четырем углам привинчена к белой, покрытой штукатуркой стене. И увидел администратор, что это хорошо.

Но однажды вечером кто-то поднес газовую зажигалку к нижнему краю скрижали, крутанул большим пальцем ребристое колесико и долго держал неподвижно желтый язычок огня. Уже палец болел, а он все терпел и держал, пока список запретов, пусть медленно, с неохотой, но все же согласился принять настойчивое пламя – вверх пополз едкий чад, на пол закапали жгучие пластмассовые слезы. Кто мог совершить подобный акт вандализма? С какой болью в сердце, должно быть, наблюдал такое падение нравов самодержец российский, знавший толк в правилах и запретах. Кошмар какой! Безобразие, непотребство! Так ведь и весь дом спалить недолго. Хорошо еще, что погасить успели.

А для истории от безвозвратно утерянных заповедей пластмассовой скрижали остался лишь окрик – ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

Зато теперь здесь можно все. Теперь здесь никаких правил.

В углу пустой комнаты – наполовину разобранный двигатель от моторной лодки, прикрытый драной робой. Неподвижные лопасти торчат из-под черной рванины. Какой потешный

флот оставил свои пожитки здесь, где нет ни реки, ни озера, ни даже лужи? Смотришь на эти лопасти, и печаль овладевает сердцем. Им бы шуметь, оставлять на глади вод кипящую полосу белой пены, направлять бегущий челн к иноземному берегу. А они навечно застыли здесь в прискорбном бездействии. Ремонту не подлежит. Остается списание. Приплыли. Работа кончилась, жизнь остановилась. Такие дела. Вокруг вперемежку с окурками разбросаны болты и гайки. Топливный бак лежит рядом. Он давно пуст, но запах солярки и машинного масла разлит повсюду и не выветривается никогда.

Понять, в какой именно цвет были во время бно выкрашены половые доски, затруднительно – они вылиняли и пропитались за долгие годы въевшейся грязью. Большие щели между ними тянутся от стены к стене, от плинтуса до плинтуса. Может быть, хоть они своей регулярностью и параллельностью радуют глаз императору, любившему упорядочивать жизнь геометрией. Белёдые, полупрозрачные клочья местами торчат из этих щелей – это сваливавшаяся пыль пучками поднимается над ровной поверхностью, как будто пробивается сквозь пол шуплая, немощная трава забвения, сухая и сумеречная, укрывшаяся от дождевой влаги, не выносящая солнечного света.

А что если бы самодержец, воспользовавшись безлюдьем, задумал сориентироваться на местности, оценить, так сказать, обстановочку, прикинуть, что к чему? Придерживая рукой корону, он бы отделился от журнальной страницы, спрыгнул на пол, орлиным взором окинул окружающее пространство и, наверное, быстро сообразил бы, что пустая комната, которую его величество почтило своим присутствием, никогда не относилась к помещениям жилищного фонда.

Это была проходная или, если угодно, вестибюль. Ныне же это – мрачное преддверие к еще более мрачной картине разрухи и запустения. Хорошо еще, что здесь хотя бы светло.

Во-первых, входная дверь давно снята с петель, а во-вторых, вверху есть большое окно. Прямо напротив входа лестница поднимается на второй этаж, и вот там, на площадке, дневной свет как-то умудряется проникать внутрь сквозь стекла, мутные от серого налета пыли и копоти.

В обе стороны от пустой комнаты тянутся узкие длинные коридоры. В один из них – тот, что направо – монарх вполне мог бы направить свои стопы. Пусть старые доски гнутся и скрипят под амстердамскими сапогами. Череда дверей вдоль стены, несомненно, напечалит государю коридор большой коммунальной квартиры, каких немало в северной столице. Другая стена покрыта письменами – некогда многочисленные жильцы делились здесь своими нехитрыми мыслями о жизни и друг о друге. На этой стене дверей нет, но есть небольшое окно с подоконником, где вместо цветочного горшка стоит пустая консервная банка, наполовину заполненная желтой водой с размокшими, бесформенными окурками.

А вот в левую сторону от пустой комнаты монарху ходить небезопасно. Недолго и шею свернуть. Там доски подгнили, в полу дыра и ни черта не видно – выбитое окно закрыто куском рубероида.

Лучше подойти к дверному проему и осмотреть окрестности. Зрелище не очень впечатляющее – не немецкая слобода, не город на Неве. Как поется в песне – степь да степь кругом. Все обесцвеченное, тусклое, серое. Только чернеет куча угля недалеко от крыльца да зеленеет сломанная коляска от мотоцикла возле стены. Из растительности – кое-где пучки сухой травы, из архитектуры – ровный холм земли и шлака поодаль, скрывающий землянку, вырытую, разумеется, на случай войны. Какие новости? Ветер. И нет ничего нового под солнцем.

А что если наш самодержец выйдет на крыльцо, топнет ногой, так что заскрипит под голландским каблуком кирпичная крошка, взмахнет рукой в белой перчатке да и гаркнет во все горло:

– Здесь будет город заложен!

Да ради Бога! Пускай будет. Только кому мы станем отсюда грозить? Отсюда хоть три года грози, никто не испугается.

Кто знает, сколько еще мог бы чудить призрачный император в пустой комнате, не потревожь его шаги и голоса, послышавшиеся на втором этаже? Казалось бы, совсем негромкие звуки донеслись сверху, а властелин судьбы исчез, растворился, растаял, как исчезает всякий морок, мираж, фантом. Не скрипнула под ногой половица. Царь Петр, беззвучный и невесомый, не задев золочеными ножами шпаги обесточенный провод, уныло свисающий из дыры в потолке, не сдвинув носком заморского сапога ни одного болта или гайки из тех, что разбросаны на полу, не взвев ни одной пылинки на своем пути, быстрее, чем взмах ресниц, вернулся на глянцевою страницу, вырванную из старого журнала.

Земля в этих краях безвидна и пуста. Она как будто воспротивилась творению, закоснела в одиночестве, как старая-старая дева, притерпелась к течению времени, давно перестала обращать внимание на смену света и тьмы, жары и холода, свыклась с равнодушными прикосновениями дождя и ветра – только шум их порой докучает ей, она предпочитает тишину. Лишь иногда в это однообразие вторгается глухой раскатистый грохот взрывов с военного полигона – словно далекий Бог о чем-то долго разговаривает сам с собой, свободный и праздный в безжизненных и бесконечных просторах. Он давно не прислушивается к этой пустой земле, давно потерял к ней всякий интерес, если когда-то и обращал на нее свой взор. А в пустоте тем временем заводится всякая нечисть. Не знающие закона дети пустоты гнездятся по темным углам. Они существа тихие и скрытные, но иной раз не прочь и пошалить, попроказничать: чтобы скоротать бесконечное время, они затевают порой недобрые игры, и вот слышатся над землей хриплые, сдавленные голоса:

- Тварь!
- На!
- Стой!
- Ты!
- Ой!
- Где?!

Слова звучат отрывисто и резко, как собачий лай. Бесенята грызутся от скуки в тоскливом запустении. Нет для них человечины, вот и покусывают пребольно друг друга. С этими голосами видятся в воздухе звериные морды. Оскалились, шерсть дыбом, того гляди сцепятся и покатаются по полу визгливым клубком.

– Бо-о-орька! Бо-о-орька! – блеет немощный старческий голос. Дрожит козья морда, открывается мохнатая пасть, скотские глаза смотрят бессмысленно и сонно.

- Бо-о-орька! Всё Бо-о-орька!
- Тварь! Р-р-разорву тварь!

Это с яростным рыком скалит клыки свирепая, хищная харя, вьется угрем кроваво-красный язык.

– Су-у-ука! Ты, товарищ, су-у-ука! – скулит чертеночек поменьше. Блестят злобные желтые глазки, топорщится ключьями свалявшаяся шерстка. Ярится, а сам, поди, жметесь к крупному бесу, ждет свары, острые зубки так и вопьются в живое мясо.

Это все на втором этаже. Хрип, сопение. Кто-то пытается вырваться, а его не пускают. Шорох. Кажется, волокут большой тюк с бельем, а тюк упирается, не хочет. Визг. Скрип двери. Снова шорох, шарканье шагов, звуки все ближе.

- На верху лестницы появляется большой тряпичный шар.
- Старуха.

Но она больше похожа на шар – ее бесформенный облик на фоне тусклого окна не образует очертаний человеческой фигуры. Посередине – в самой широкой части – что-то коричне-

вое сходится с чем-то зеленым, засаленным и протертым до дыр. Внизу, в узком основании, соединяющем шар с полом, шаркает серое, войлочное, вверху – выпирает закутанное синим в желтый горошек. Шар торопится, спешит: он явно чем-то напуган. Узкая лестница – его шанс оторваться от преследователей.

Двое мужчин бросаются в погоню одновременно, толкаются, пихаются, каждый хочет протиснуться вперед. Тут слишком мало места. Они стучаются о деревянные перила, потом друг о друга, потом снова о перила – нет, так невозможно – оба замирают, как бы пропуская другого вперед, но через мгновение снова бросаются вниз по лестнице и снова сталкиваются, снова перила, снова друг о друга – да что же это такое?! – они суетятся, размахивают руками, топчут ногами, смешно гримасничают от досады и боли.

Алле-оп! Два клоуна спешат на арену. Один, тот, что в конце концов пробился вперед, роста выше среднего. Телосложения крепкого, но сильно исхудал, бедняга, и в целом выглядит нездоровым. В своих рейтузах и мешковатом свитере с дырой на боку он похож на пациента районной больницы, спешащего занять первое место в очереди в столовую.

Второй клоун шуплый и тощий. Уж на что, кажется, сам не велик размером, а пиджачок все равно мал, голые жилистые руки торчат сухими палками. Зато клетчатые штаны болтаются свободно, одной штанины на две ноги хватит. Под пиджаком – синяя майка, тугая, ребра проступают.

Представление начинается. Бесформенная старуха успела пересечь пустую комнату и докатилась до самой двери. Но на крыльцо так и не вышла. Клоуны настигли ее у выхода. Дернули, оттащили назад, грозно преградили дорогу.

– Капитан, это не я, не я, их Борька привел, – оправдывалась старуха, со страхом глядя на высокого клоуна, которого все величали не иначе как Капитаном.

Капитан... Жил на свете Капитан. Одинокий, никчемный Капитан, у которого не было команды, корабля и моря. Ботинки прохудились, штаны на коленках обвисли пузырями, дыра на свитере зияет, как рваная рана, сам отошал, поистрепался, а ведь был видный мужчина. И сейчас, когда в порыве праведного гнева вспыхнули глаза, сошлись к носу брови, распрямилась спина, так и проступила сквозь потрепанный облик бывшая командирская стать. Напирает на старуху решительно, грозит начальственным кулаком, орет командным голосом. Нет, уже не клоун – капитан корабля!

* * *

О, Капитан, мой Капитан, какое кораблекрушение оставило тебя на этом пустынном берегу моря житейского, на весьма отдаленной окраине государства российского?

Тут бы можно начать рассказ про то, как некий прапорщик исправно нес службу отечеству, исполнял воинский долг в соответствии с уставом, соблюдал правила субординации, вот только закусывать не любил, и через эту мелкую провинность пошли все прапорщиковы несчастья, потому что, когда бегал он в одних трусах по казарме и орал, что он капитан и намерен швартовый отдать, всех наверх свистать, а потом прилюдно ворюг из штаба округа на чистую воду вывести и на рее вздернуть, то неблагодарное начальство, забыв о былых заслугах честного прапорщика, упекло его без лишних слов туда, где отважного капитана лечили-лечили, да так до конца и не вылечили.

Только эта история, как и все настоящие истории, во-первых, не интересна, а во-вторых, не улавливает сути дела.

Потому что, если появляется на страницах сказки некий капитан, то непременно должен быть и флот, и корабль, и команда в тельняшках. А что касается штаба округа, так там с порога кричать следует:

– Держи вора! Держи вора!

И точно не ошибешься.

Все украли у нашего Капитана – и команду, и корабль, и море. Теперь вот и всех срежений лишился, непосильным трудом нажитых. А что ты будешь делать, когда одно жулье вокруг?! Воруют на Руси. Люто воруют. Иначе все бы у него было. И когда взгляд Капитана падает на узкую лестницу в глубине комнаты, вспоминается ему, как отважный мореплаватель всходил когда-то на капитанский мостик, дабы бороздить пучину в поисках необходимых морепродуктов. Видит он, как кладет ему руку на плечо самый главный адмирал-рыбак и говорит отеческим голосом:

– Добудь нам эту рыбу, хоть со дна морского ее достань!

Тут, моряк, дело стратегической важности! Четверг близится.

В столовых по всей стране рыбный день на носу. Не будет того дня – стабильность пошатнется, порядок нарушится, а там и вовсе ничего святого у людей не останется. Понимаешь, труба нам без этой рыбы, труба! На тебя, морячок, вся надежда. Только смотри в оба – рыбопродукт этот ценный очень, многие им завладеть хотят. Тут у нас такие акулы удочки закидывают, что редкая птица сумеет в их сети не угодить! Сам знаешь, как теперь воруют, расхищают добро народное. Ты следи за этим делом, не оплошай, не обмани доверия.

И как в воду смотрел тот адмирал!

А волны, знай себе, в корму бьются. И седая равнина моря расстилается перед доблестными труженниками рыболовецкого флота. Не подведем, сдюжим. Если родине надо – не то что рыба, ни один головастик от нас не спрячется.

А пока капитан корабля большую капитанскую натошак принимает, кителем занюхивает и размышляет на философский манер:

– Куда ж нам плыть?

А потом еще одну капитанскую опрокидывает и снова в раздумье погружается:

– Разрази меня гром! Какая же рыба значится в планах рыболовецкого хозяйства? Ради какой такой рыбы мы на курс легли? Тут дело государственной важности, не иначе.

Адмирал зря болтать не будет. А говорил он осторожно, конкретных имен, адресов и явок не называл, мол, добудь нам одну такую рыбу, чтобы в столовых рыбные котлеты лепить, и точка. Какая же это рыба? Может, осетр? Нет. Форель? Нет.

Сом, корюшка, карась, щука, камбала? Все не то. Просто ума не приложу.

Тогда он еще одну капитанскую на грудь берет и сам себе командует:

– Отбой! Утро вечера мудренее.

И заваливается спать в капитанской каюте.

На следующий день просыпается этот отважный мореход с утречка и ждет, как полагается, своего капитанского завтрака. А сам думает:

– Бриться сегодня не буду, я еще в порту побрился, а вот капитанскую для бодрости принять следует.

Принял. Подождал. А завтрака нет. Еще принял. Никого.

Снова принял и тут уж вконец осерчал:

– Сколько может капитан корабля кителем занюхивать?!

Мне государственное дело поручено, а я со вчерашнего дня не закусил ни разу! Ну, я покажу этим сукам!

И напрямиком на камбуз.

А там никого. Повариха Катька, с которой Капитан иногда нежно дружил, неизвестно куда подалась. По блядским делам, не иначе. Однако кастрюля с компотом еще теплая.

Значит, вышла недавно.

– Тысяча чертей! – героически выругался Капитан и рванул на палубу.

Там – шаром покати.

– Совсем от рук отбились, никакой дисциплины, – негодовал Капитан.

Огляделся вокруг тем острым капитанским взглядом, который привык охранительный свет маяков в многозвездной ночи высматривать, ни черта не высмотрел и вдруг как гаркнет:

– Свистать всех наверх!!!

Нет ответа. Всю команду как будто свистнули.

– Да тут у нас бунт на корабле обнаруживается! Не позволю!!! – взревел Капитан и хотел уже из-за пояса пистолет рвануть, только вовремя вспомнил, что нет при нем ни пояса, ни пистолета. Поэтому рванул стремглав на мостик. А там никого.

И за штурвалом никого. При этом корабль плывет себе куда-то.

– Дрейфуем, однако, – успокоился немного Капитан и решил податься в кубрик. Только и там ни одной живой души.

Он – в машинное отделение, там тоже пусто. Он – в радиорубку, и там безлюдье.

Где радист, где старпом, где боцман, где матросы, где юнга, в конце концов?! Но ведь была, была здесь команда. Еще вчера была, а сегодня нет. Вот на столе рядом с наушниками кроссворд наполовину разгаданный лежит. Посмотрел капитан и прочел:

– Промысловая рыба, первая буква – «т».

Посчитал клеточки – шесть букв. Что за рыба такая? Непонятно. Бегал по всему кораблю от кормы до носа, искал команду – как корова языком. Делать нечего. Сварил себе макароны по-флотски. Какая-то гадость липкая получилась.

– Эх, сейчас бы нам сюда повариху, – вздохнул Капитан.

Пробовал сам с собой в морской бой играть – неинтересно. А в голове все свербит:

– Шесть букв, первая «т». Что за рыба, что за рыба? У кого бы спросить?

И давай опять круги по всем отсекам нарезать, мол, найду воров, узнаю про рыбу и задущу этих крыс сухопутных собственными капитанскими руками.

Устал наш морской волк, как последняя собака.

Всякое повидал на своем веку бывалый мореход, во многом и самому поучаствовать довелось: и улов воровали, и топливо из машинного отделения сливали, и продуктами, для экипажа выданными, на толкучке торговали. Но чтобы всю команду с корабля украсть – это уже слишком. Такого у нас еще не было.

– Но ничего, утро вечера мудренее, далеко уйти они не могли, завтра на свежую голову продолжим поиски, – подумал капитан, пошел в капитанскую каюту, принял большую капитанскую для успокоения и под качку набегавших волн уснул, как младенец в колыбели.

А разбудили его соленые брызги. Ветер дует. Он небритой щекой о какую-то тряпку елозит. Где подушка, где одеяло, где шконка капитанская, теплая, мягкая? Огляделся. О, да тут не только шконка пропала. Весь корабль украли! Без следа пропало судно рыболовецкого флота. А его ответственный руководитель плывет на какой-то гладильной доске среди открытого моря. До чего у нас воровство дошло! Виданное ли дело, чтобы при живом капитане целый корабль украсть!

Но делать нечего, взялся грести. Надо самому до берега добираться. Жажда мучит капитана, и есть тоже очень хочется.

– Эх, сейчас бы нам сюда макароны по-флотски, – думает Капитан. Но не сдается, в уныние не впадает, сам себе команды отдает:

– Правой, левой, правой, левой!

Гребет двумя руками, бороздит бескрайние просторы. Совсем изнемог, оголодал, ни тебе берега, ни парохода, ни утлой лодчонки до самого горизонта.

– Эх, сейчас бы нам сюда остров необитаемый, – думает Капитан.

И тут мимо него косяк рыб проплывает. И смотрит капитан, а у каждой рыбы на боку шесть клеточек поверх чешуи нарисованы, и в первой клеточке как будто буквица значится, вроде нашего «т».

– Что за рыбы такие странные, где-то они мне уже попадались, только не помню где, – подумал Капитан.

И так ему рыбных котлет захотелось, что стал он рыб руками подзывать да подманивать. Только рыбы хвостом махнули, и – поминай как звали. Так и заснул на доске изнемогший Капитан несолоно хлебавши.

Проснулся, чувствует, что-то щеку колет.

– Все-таки надо было побриться, – внутренне признал Капитан. Открыл глаза, смотрит, а моря нет, сперли море, подчистую слямзили, ни одной капли соленькой не оставили. Лежит он на голой земле, и сухая трава ему морду царапает. Даже старой гладильной доской не побрезговали, и ту утащили.

Огляделся. Мать честная! Кругом степь, вместо волн сопки поднимаются. Ладно – тонуть, ладно – среди акул погибать, но чтобы отважный капитан, как последний ямщик, в степи загибался, про такое ни в одной песне петь не станут.

– Ну, это уже слишком, это уже ни в какие ворота, – думает Капитан, – целое море украсть, куда ж милиция смотрит?

До чего, суки, страну довели!

Обидно ему за державу стало.

– Эх, сейчас бы нам сюда Сталина! – подумал Капитан.

Долго еще он так жаловался, и о твердой власти вздыхал, и о стране сокрушался, и ситуацию политическую рассматривал, и международную обстановку винил. Только голод – не тетка. Пошел Капитан пешком по степи, смотрит – селение.

Ну, слава Богу! Заковылял быстрее. Видит магазин – сельпо.

Он сразу туда и говорит жалобным голосом:

– Возьмите меня, что ли, разнорабочим каким, очень поесть хочется.

А ему сразу вопрос ставят:

– А ты не запьешь?

– Никак нет, – говорит Капитан, – да я вообще не пью.

– Это на харе твоей небритой прописано, как ты не пьешь. Смотри у меня! Скажи спасибо, что в колхозе работать некому. А сейчас живо – треску мороженую разгружать! Ее только что завезли.

И тут Капитана как молнией ударило. Треска, треска, треска! Вот она, рыба какая. Из-за нее все хищения и случились.

Даже буквы на пальцах подсчитал два раза – и каждый раз шесть выходило.

Что теперь делать? Так и остался Капитан жить в степи, на самой окраине государства, где не то что моря, даже пруда поблизости не было.

Время шло, и стал покоритель морей разнорабочим: была выправка бравая, стать капитанская, а теперь – нездоровая, сухопарая сутулость; были шаги вразвалочку, как на палубе во время качки, теперь – робкая семенящая походка; был командный голос, теперь – беззубое пришепетывание; был гордый взгляд, теперь – голова в плечи втянута, как у салаги в ожидании затрещины, и по лицу, мятому, как подушка на матросской койке, размазана жалостливая готовность услужить всякому за любую подачку. По большей части был он молчалив и угрюм, больше трех слов за раз, как правило, не произносил. Какой уж там капитан? Клоун.

Только когда перепадали ему какие деньжата за подсобные работы, бегал он по всему поселку и кричал: «Отдать швартовый, держать курс, скорость пять узлов! Попрятались все?! Ну ничего, я вас, суки такие, ворюги подлые, на чистую воду выведу!». Вот все и стали называть его Капитаном.

* * *

Сейчас благородная ярость на миг вернула Капитану былую отвагу. Смело прет он навстречу бесформенному врагу, теснит престарелого супостата к лестнице, кричит, как будто на abordаж идти собрался:

– Тварь! Тварь старая!

И уже заносит могучую длань, чтобы бесстрашно заехать старухе кулаком прямо в рыло.

Но тут вырывается вперед маленький человечек, хватая недруга за зеленую кофту, хочет что-то выкрикнуть, но только хрипит, ибо лишился от волнения дара членораздельной речи. Маленький человек плачет. Слезы катятся по впалым щекам, мокрая козлиная борода торчит вперед и дрожит, как осенний листок на ветру.

– Беда, Беда, они все забрали, их Борька навел, – пятась, но стараясь не порвать кофту, бормочет бесформенная старуха.

– Врешь, товарищ, врешь, врешь, – не унимается маленький клоун.

Он всех называет «товарищами». А его в поселке кличут Бедой. Хотя настоящая фамилия человечка – Победа. Правда, по жизни он скорее – Поражение. Ему не везет, несчастья преследуют его всегда, везде и во всем. Он – победитель международного конкурса дураков-неудачников, рекордсмен на соревнованиях по хроническому невезению, многократный призер игр упущенных возможностей, лидер в гонке печальных утрат и финалист на чемпионате роковых потерь. И при этом он не унывает. Он полон вечного энтузиазма, с этим неизменным энтузиазмом он сейчас тянет старуху за зеленую, грязную кофту и подносит маленький, почти детский кулак к ее носу.

А плачет он не от уныния, он льет слезы от обиды и чувства погранной справедливости. Он в поселке пламенный борец за правое дело, смело отстаивающий, решительно настаивающий, быстро вскипающий и готовый самоотверженно выкипеть до конца, как забытый на плите чайник. Он – общественно чувствительный товарищ, неизменно ставящий интересы коллектива выше личных интересов, товарищ, который всегда выполняет и перевыполняет, товарищ, которому должны вручить вымпел, почетную грамоту и переходящее красное знамя.

* * *

Беда никогда не мог толком объяснить, как он оказался в тюрьме. Нить повествования всякий раз безнадежно запутывалась в лабиринте бесконечных «а я думал», «а они говорят», «а вышло так», «а по какому праву»... Он ни разу не сумел добраться до конца этого рассказа. Может быть, потому что никто его не слушал. Через некоторое время он прерывал свою печальную повесть словами «вот как в жизни бывает», долго молчал и тяжело вздыхал, продолжая перебирать неудачи и доказывать невидимым товарищам свою вечную правоту.

Как мог этот прекрасный человек сделаться одиноким, как перст, никому не нужным, незванным гостем в пустынных степях? Где отчий дом, что стало с семьей, куда пропали друзья и коллеги? Как объяснить бесконечную черную полосу жизни, как осмыслить беспрерывную череду потерь?

Как победа обернулась бедой?

На самом деле все это имеет простое и логичное объяснение. История человека, прозванного в поселке Бедой, становится совершенно понятной и не вызывает вопросов, если допустить, что вся его предыдущая жизнь происходила во сне.

Спал он долго и счастливо. И ему снилось, что все вокруг называют его Победой, и наименование это как нельзя лучше соответствует тому величественному образу, который он видит на каждом своем портрете. Это гордое слово схватывает, так сказать, самую суть той

триумфальной биографии, о которой он читает в каждой газете. Он ведь шествует от победы к победе, отстаивает честь страны, высоко держит ее знамя. Такая у него работа.

В Колонном зале идет вручение правительственных наград. Товарища Победу поздравляют с очередной победой. Банкет будет потом, а пока серьезные мужчины и солидные дамы в строгих костюмах и вечерних платьях фабрики «Большевичка» переминаются с ноги на ногу, ждут, слюну сглатывают.

Звучит с высокой трибуны:

– Победа, товарищи! Опять Победа! И снова Победа! Сегодня мы собрались здесь, чтобы отметить день товарища Победы!

Аплодисменты несмолкающие. Овации бурные. Крики – ура, вперед и да здравствует.

Все взоры обращаются на победителя. Почетное место ждет. И вот в темном пиджаке почему-то со следами кетчупа на лацкане (надо солью потереть, и пятна не будет), в штанах, лопнувших на заднице (не страшно – это по шву), в ботинках с развязавшимися шнурками (или случайно завязать забыл), по лестнице из подгнивших, скрипучих ступеней поднимается Победа на пьедестал своего почета. Сейчас предстоит чествование. Ну, как водится, скучный официоз, рутина, казенщина, длинные речи, однообразные поздравления, письма трудящихся, заранее написанные референтами. Таков порядок, без этого никак.

И вот тут Победе не повезло. Оркестр вдруг ни с того ни с сего все перепутал и вместо гимна заиграл траурный марш.

Распорядитель церемонии тоже все перепутал и говорит: «Мы все безутешно скорбим об этой безвременной утрате!» Жена героя тоже все перепутала и давай голосить: «Ой, на кого ты меня оставил! Кто теперь воспитает наших будущих детей?!» Гости тоже все перепутали, сделали скорбные лица и принялись выпивать и закусывать.

Но по крайней мере – награда нашла своего героя. С высоты пьедестала Победа окинул взором собрание с его несуразной путаницей и неразберихой, словно праведник из райских кущ – многогрешную землю.

Его ждет орден. Также ему причитается крупная денежная премия. Правда, тут ему не повезло: все документы потерялись, а деньги украли. Кто мог совершить это гнусное преступление? Сейчас подозрение пало непосредственно на него, поэтому вместо ордена случайно выдали ордер, но потом правоохранители во всем разберутся и его реабилитируют. В крайнем случае, он выйдет по амнистии. Ну, или срок скостят за примерное поведение.

За всеми этими пертурбациями никто не обратил внимания на тревожный треск досок. Пьедестал не выдержал тяжести Победы. Подгнившая древесина подломилась, и сооружение с адским грохотом рухнуло на пол. И вот тут Победе ужасно не повезло. Он каким-то образом пролетел мимо пола и угодил напрямик в пропасть – глубокую, как преисподняя.

От ужаса триумфатор проснулся в холодном поту. Открывает глаза, а его уже все зовут Бедой, проживает он без прописки и документов в некоем заброшенном поселке, даже не отмеченном на карте, а в данный конкретный момент собирается жестоко побить ужаснейшую бесформенную старуху.

Вот такой сон мог бы ясно и непротиворечиво объяснить, как столь положительный человек оказался в этих гиблых местах практически без средств к существованию.

* * *

Капитан и Беда жмут старуху с двух сторон. Капитан скуп в движениях, он наступает сурово и прямо, как бронемашина, злые глаза вспыхивают, как дула двух пулеметов. Беда, напротив, дрожит, как холодец на тарелке, трепещет, как флажок на ветру, хлопчет всеми частями своего худосочного тела. Ярость Капитана – огонь, жгучее пламя, выжигающее всю

плоть изнутри, оставляющее снаружи лишь сухую оболочку; гнев Беда текуч, липок и влажен, сочится слезами и соплями, блестит на щеках и козлиной бороде.

Их можно понять: они лишились всего. Хозяин здешних мест – и у пустоты бывает хозяин – вездесущий, ревнивый и карающий, как библейский бог, – счел правильным забрать у них все.

Приперли к лестнице. Старуха стоит – убежать не удастся. Желтые руки, похожие на паучьи лапы, перебирают обтрепавшийся край зеленой кофты. Беда ей дышит в лицо ненавистью, пропитанной тяжелым утробным смрадом, злостью, рвущейся из кишечника, желудка, горла к потрескавшимся губам, как пар из аварийного клапана в котельной. Дыхание Капитана прерывистое и иссушающее – дуновение знойного ветра над пожелтевшей травой.

Теперь Капитан остановился. Мгновение он неподвижным, немигающим взглядом смотрел на тряпичный ком. Его ненависть сосредоточилась на лице старухи. Он как будто впервые увидел это маленькое лицо, выглядывающее из синего в желтый горошек платка. Под нависшими клочковатыми бровями мутные глаза мечутся бессмысленно и отчаянно, как тараканы в стеклянной банке. Острый подбородок трясется, синюшные губы между складок кожи шевелятся двумя дождевыми червями, беззубый рот пережевывает что-то – долгую, безвкусную, как кусок резины, жизнь.

Старуха стала совсем округлой и маленькой. Она присела, втянула маленькую голову в плечи, вся сжалась, ожидая удара. Потом она замерла – рот открылся так, что перестал трястись подбородок, глаза расширились и взгляд остановился, руки выпустили истерзанный край кофты. А Капитан не ударил, он только плюнул. С глухим хрипом собрал слюну в горле и плюнул старухе в лицо. Она оставалась застывшей лишь долю секунды, словно солдат, пораженный одиночным выстрелом, еще не понимающий, что убит, еще не узнавший лица смерти. Затем она повалилась назад, стукнулась спиной об угол стены у лестницы и медленно сползла на пол.

Из самых последних глубин своего тела исторг Капитан этот плевок. Это был первый всплеск раскаленной лавы проснувшегося вулкана, капля горящей серы из геенны огненной.

Старуха – внизу. Теперь она еще больше напоминает кучу тряпья, отбросы, забракованные последним старьевщиком.

Она шевелится, в ее движениях нет смысла. Она водит руками в воздухе, как будто пытается за что-то ухватиться, скребет ногами – из-под толстой коричневой юбки видны стоптанные, по щиколотку обрезанные валенки. Она похожа на большое раздавленное насекомое. Встать она не сможет.

– Они все забрали, их Борька привел, ваш Борька привел, – забормотала она.

Эта копошащаяся куча лохмотьев напоминала помойку, в которой роются крысы, когда пестрый мусор кажется вдруг ожившим, получившим непонятную, никчемную жизнь.

Капитан и Беда, стоя над ней, как два воина над поверженным врагом, не чувствовали жалости. Они чувствовали, как их злость сменяется бессилием.

– А ты зачем отдала? – все еще грозно, но с оттенком усталости спросил Капитан.

– Да, зачем?! – присоединил свой сиплый голос Беда.

– Не отдавала я, они сами все взяли, их Борька привел, – продолжая шарить руками в воздухе, скулила старуха.

– Ведь врешь, тварь!

– Правда.

– Врешь!

Этими выкриками Капитан подогревал свою ярость. Еще можно было со всего маху врезать ногой, погрузить свой старый ботинок в живую труху.

– Бацеха забрал! Бацеха забрал! – отчаянно заголосила старуха, корчась на полу, как в припадке падучей, – она заранее чувствовала боль от возможного удара.

Услышав имя хозяина этих мест, Капитан заскрежетал несколькими оставшимися зубами, а Беда издал сдавленный визг, как поросенок с перерезанным горлом.

В их ярости было слишком много отчаяния, иначе бы старой ведьме несдобровать.

Оба одновременно подумали об одном и том же. Тот, чье имя выкрикнула старуха, их накажет. Дело тут не в ней. Они пытались утаить деньги. Можно кричать, но тот, кто все забрал, не спрашивал разрешения. И они хорошо знали, что ничего нельзя изменить. Самовластный правитель этого пустынного царства не терпел, чтобы его подданные владели деньгами. В его владениях нищета была обязательной. Нищета и беспрекословное послушание требовались от всякого обитателя этих мест. А в остальном – пусть живут, как хотят.

Сам хозяин и его помощники обладали невероятным нюхом на денежные знаки, зря говорят, что они не пахнут. Если кто-то отпраивался на заработки – стриг овец, наполнял зерном сеялки во время посевной, разгружал вагоны с углем на станции или же просто ухитрялся удачно продать краденое – будь то овца с отары или слитый с самосвала бензин, – иметь деньги было нельзя. Что-то можно было потратить на еду или честно пропить, но остальным нужно делиться, а делиться здесь означало – отдать все. Хранение денег – это бунт, мятеж, попытка свержения существующего строя.

Бацеха – руководитель опытный и менеджер весьма успешный. Как всевидящий бог, он всегда знает, кто, сколько и как раздобыл; хоть в землю зарой, хоть в степи под камень положи – от него ничего не скроется. И все должны знать – нет, лучше верить, – что он все знает. Эта вера не допускает сомнений. Никто из жителей не может постичь, как хозяин все про него разузнал, но каждый спешит рассказать, что знает про других. Наказания за обман суровы.

Капитан и Беда отважились. Они сообщали Бацехе все, что знали обо всех остальных, но всякий раз умалчивали друг о друге. Они придумали способ. То, что удалось сберечь, хранили у старухи, иногда поддерживая ее едой. Своего у нее ничего нет. Искать у нее не станут. Она проживала в поселке по непонятной милости Бацехи.

Хотя, наверное, горе-заговорщики с самого начала понимали, что ничего не получится.

Он же такой, что все видит.

Теперь Капитан молча смотрел на старуху. Может быть, он почувствовал, что все происходящее бесполезно, бессмысленно, может быть, он просто перегорел или нестерпимое отвлечение вытеснило его гнев. Как бы там ни было, он вдруг резко повернулся и, не произнеся больше ни слова, зашагал прочь. Он вышел на крыльцо, сошел на землю по трем разбитым кирпичным ступеням и стал быстро удаляться по каменистой тропе от длинного, похожего на барак здания. Беда несколько раз в недоумении перевел взгляд с поверженной старухи на покинувшего поле боя товарища. Слезы уже высохали на его лице. Он просто любил справедливость и всегда хотел, чтобы она торжествовала, хотя бы и через расправу. А еще он глупо надеялся накопить денег и покинуть эти места, хотя, конечно, знал, что так не бывает.

Теперь Беда как-то обмяк и раскис.

– Ничего, мать, ничего. Ты тоже не переживай.

Старуха принялась охать еще горестнее, зашевелилась еще безнадежнее.

– Мы тебе потом макарон занесем, у нас есть еще, – утешил ее Беда и почти бегом устремился за Капитаном.

Когда старуха осталась одна, стоны ее прекратились.

Движения изменились. Своей полной беспомощностью она старалась внушить обидчикам жалость. Здешние людишки злы, как черти, но простодушны, как дети. Раз бить ее не стали, значит, старческим копошением, стонами, бормотанием и вскриками ей удалось разжалобить врагов. Она немощна, но часто лишь изображала немощь. Теперь можно передохнуть.

Жизнь вернется в свою колею. Она будет иногда получать продукты, будет иногда гнать самогон. Макароны опять же дадут. Что Бог ни делает, все к лучшему.

Она уперлась руками в пол и села, прислонившись спиной к стене, перевела дыхание, а затем медленно, крихтя, поднялась на ноги. Обвела привычным взглядом пустую комнату. Теперь тут пусто. Черная дыра в потолке зияет, как беззубый рот идиота; тонкой струйкой слюны сочится свисающий провод. Вот яркая картинка, вырванная из журнала, как кровавая ссадина на сером теле стены. Когда-то – она помнит те времена – здесь было шумно: топот ног, голоса, хлопанье дверей, музыка из радиоприемника, дым коромыслом. Общежитие для сезонных рабочих. Теперь она живет одна в этом похожем на разрушенный барак доме.

На первом этаже пол уже сгнил, во многих комнатах доски отрывали, чтобы топить. На втором этаже лучше, там есть одна комната, где между тюками с тряпьем стоят кровать и большой фанерный ящик. Там печь-буржуйка обложена кирпичами. Среди куч хлама она – звездушка в норе – доживает свой век.

Бесформенная старуха подошла к дверям и посмотрела вокруг.

Будничные истории этих пустынных мест лишены начала и не заканчиваются ничем. Одна старуха лежала на полу и ждала, что ее будут бить двое мужчин. В том, что они лишились своих жалких сбережений, была, вероятно, доля ее вины, хотя больше был виноват Борька Парус, задумавший выслужиться перед хозяином, захотевший устроиться получше в заброшенном поселке. И все-таки, безусловно, она имела отношение к этому происшествию. Она – старая и слабосильная, бить ее было можно. Но не стали. Бесформенная старуха обрадовалась. Она поднялась с пола и встала в дверном проеме. Освещенная лучами вечернего солнца, ее похожая на тюк, мешок, кипу, куль, сверток и ком фигура была хорошо заметна на темном фоне пустой комнаты. На старухе были стоптанные, обрезанные валенки – она носила их круглый год, – шерстяная коричневая юбка, плотная и грубая, как солдатская шинель, зеленая дырявая кофта и платок из синей ткани с маленькими желтыми кружочками.

Она стояла и как будто смотрела вдаль.

Здание бывшего общежития расположено на краю Кыхмы, населенного пункта без населения, поселка забытого, разрушенного и бесформенного, как сама старуха.

Мутные белесые глаза вряд ли могли рассмотреть открывавшуюся картину. Но ей и не нужно было видеть – она давно знала все, что находится вокруг. Остовы разоренных домов, насыпь землянки, пожелтевшая трава, плавный подъем ближайшей сопки и ее каменистая вершина – все это давно жило в ней, тянулось в ней, как та дорога, которая никуда не ведет, как заунывная песня на незнакомом языке, которая может закончиться только вместе с дорогой и поэтому, похоже, не закончится никогда, как монотонное чередование подъемов и спусков, когда, поднявшись на всхолмье, видят не новое, а все то же, что уже много раз видели с других возвышенностей, потому что степь всегда повторяется, она ведет свой томительный монолог длинной чередой тавтологий.

И вот от этой неохватной картины, от этого великого бессмысленного простора, который она уже не видела, но держала внутри себя, даже – вместо себя, а может быть, и по какой-то другой причине старухе стало очень мутно на душе. Она начала скулить. Она скулила, она бормотала, растягивая неразличимые слова, слившиеся в протяжный, тихий вой.

Здесь нет ничего исключительного. Старухе каждый вечер становилось мутно на душе, и почти каждый вечер она скулила и выла на крыльце полуразрушенного дома. Никто не скажет, сколько еще в окраинных степях таких скулящих бесформенных старух.

Непонятно, слышала ли старуха сама себя. Если бы ее услышал кто-то другой – допустим, случайный прохожий, – он бы, конечно, ничего не понял. Он бы услышал в этом вое голос ненужного, лишнего смысла прошлого. Это прошлое совершенно неинтересно, оно не имеет никакого значения. Его вообще, скорее всего, не было. Так бы он услышал. И прохожий упустил бы самое главное. А самое главное заключается в том, что этот вой был голосом будущего, первым невнятным бормотанием далекого грома, он был стоном роженицы, а не хрипом агонии.

На самом краю государства российского, в бывшем поселке Кыхма, где ничего произойти не может, поскольку, если что-то и произойдет, то останется незамеченным, неосвященным, не занесенным в анналы и, стало быть, будет считаться не произошедшим – вот в этой всеми забытой глуши начинает звучать тихое подвывание междулетья.

Имеющий уши да слышит.

* * *

Попасть в эти места непросто. Немногим выпадает возможность посетить пустую комнату и побродить по склонам ближайших сопок. Дорогу к великой пустоте степных окраин осилит не всякий.

Разве что в рамках государственной программы поддержки развития внутреннего туризма...

– Внимание! Не пропустите! Туристическое агентство СТОП-ТУР предлагает новую программу «Кыхма – жемчужина России»! Вам представляется уникальная возможность посетить уникальные места нашей великой родины. Путешествие запомнится вам надолго.

СТОП-ТУР. В гостях хорошо, а дома – лучше!

Вот здесь многие задают вопрос: «А с чего начинается путешествие?» Друзья, наши мудрые предки обустроили нашу великую державу очень правильным образом. Все дороги нашей великой страны, куда бы они ни вели, представляют собой вертикали, по которым спускаются распоряжения вышестоящих инстанций и поднимаются отчеты, рапорты, а также письма доброжелателей, составляемые на местах. Лишних дорог нам не надо. От лишних дорог только один вред, ведь ими могут воспользоваться наши враги. Следовательно, всякое перемещение по бескрайним просторам нашего великого отечества должно начинаться в едином административном центре, под надзором компетентных органов. Поэтому первый пункт нашего путешествия – столица нашей великой родины. Где бы вы ни были, поезжайте в столицу. Если вы уже там, значит, вам повезло.

СТОП-ТУР. Сюда иди!

Как прекрасна столица нашего прекрасного отечества! Она сияет, как большой торгово-развлекательный центр! Зачем еще стремиться куда-то, когда здесь и так все есть? Разве нашим людям чего-то не хватает? А ведь кроме столицы в пределах государственных границ нашей великой земли есть много других замечательных мест. Жизни не хватит, чтобы все посмотреть. А красота такая, что дух захватывает! Вспомним хотя бы Кыхму – жемчужину России.

СТОП-ТУР. Восстановим железный занавес вместе!

Итак, столица – только начало. Отсюда вам предстоит совершить перелет совершенно внутренними авиалиниями до совершенно замечательного города, расположенного недалеко от окраин нашей совершенно великой Российской Федерации.

– Наш самолет вошел в зону турбулентности, зажглось табло – пристегните ремни безопасности и оставайтесь пристегнутыми всю жизнь. Шутка.

– Наш авиалайнер произвел вынужденную посадку в пункте назначения, поскольку по доброй воле в этой зоне не сядет никто. Снова шутка.

– Спасибо, что выбрали нашу авиакомпанию, а не пошли пешком. Это была последняя шутка. Надеемся, полет доставил вам удовольствие.

Получение визы, томительное ожидание в очереди паспортного контроля, длинный путь по зеленому коридору таможни – все это абсолютно не нужно! Добро пожаловать в город с интересной историей и богатой культурой – второй пункт нашего путешествия!

СТОП-ТУР. Сожги свой загранпаспорт и получи бонусные баллы для следующей поездки!

Качество обслуживания и безопасность – наш приоритет.

За границей обслуживают клиентов – мы принимаем дорогих гостей! Уверены, вы по достоинству оцените наш сервис.

Он гораздо приятнее, чем череда пересыльных тюрем, лай собак, окрики охранников и пинки конвоиров. А ведь первые туристы добирались сюда именно так. И, надо отметить, добрались далеко не все.

Город обязан своим появлением острогу, он вырос вокруг мест лишения свободы. Каторжники и сторожа, зеки и вертухаи постепенно сближались, находили общий язык, объединялись по интересам и наконец слились в единую массу горожан. Они славятся гостеприимством и, конечно, будут рады познакомить вас с достопримечательностями своей малой родины.

СТОП-ТУР. Стань невыездным, об остальном позаботимся мы!

Как прекрасен и величав этот чудесный памятник отечественного градостроительства! Город прирастал одинаковыми, четко пронумерованными домами, выстроившимися в шеренги, как заключенные на вечерней проверке. Планировка улиц, расходящихся от тюремных стен ровными линиями, правильна и аккуратна, город выкроен из пространства русской равнины, как ладный тюремный бушлат из добротной казенной ткани. Здесь навсегда воцарились прекрасные качества, которых так не хватает в современном мире – режим и порядок. Еще раз повторим – режим и порядок!

Памятник декабристам – замечательное произведение местного скульптора, которому довелось, как и декабристам, в течение ряда лет безвыездно проживать в этих краях. Хаотично разбросанные бетонные глыбы знаменуют пресловутые обломки самовластья. На них, как и положено, начертаны имена героев, боровшихся за гражданские свободы, а также имена нескольких довольно свободных гражданок, населяющих соседние дома. А вот имя автора шедевра, к сожалению, затерялось в архиве Главного управления исполнения наказаний. Также как и имя архитектора, воздвигшего здание вокзала – серое строение с большой дверью в середине и рядами окон, идущими вправо и влево от нее. Подумать только, что еще не все граждане посетили эти замечательные места!

СТОП-ТУР. Укради у друга загранпаспорт и обменяй его в нашем офисе на цветной календарь!

Именно с этого вокзала, дорогой гость, вы отправитесь к третьему пункту вашей увлекательной поездки. Теперь вам предстоит доехать до станции! Наша турфирма заблаговременно забронировала для вас верхнюю боковую полку в плацкарте рядом с туалетом. Ехать совсем недолго. Уже к вечеру следующего дня вы сойдете на платформу, чтобы своими глазами увидеть важный железнодорожный узел – крупную развязку, где формируются товарные составы, отправляющиеся в разные уголки нашей великой родины.

Осмотрите на перроне. Затем смело спускайтесь на рельсы: вам нужно пересечь пути и совершить небольшую прогулку по выложенной щебнем насыпи вдоль длинного, крытого листовым железом здания, похожего на ангар. Склад готовой продукции. Дальше на тупиковых путях стоят старые вагоны, используемые для проживания работников и прочих лиц, не имеющих постоянной жилплощади. В качестве решения жилищной проблемы это удачно, но вам мы рекомендуем миновать это поселение, по возможности не привлекая к себе излишнего внимания. За длинным забором находятся мастерские Тяжмашконструктремонта. Обогните их.

Уже скоро, уже совсем скоро! И не надо ругаться, давайте будем вежливы, помните, что в целях улучшения качества обслуживания все разговоры в нашей стране записываются. А забор, как и все в жизни, рано или поздно обязательно закончится. Теперь обратите внимание на длинное заброшенное здание с выбитыми окнами. Сложно сказать, что здесь было раньше, но вам, если получится, следует миновать это строение, как и вагоны, – стороной,

тихонько, быстренько! Дальше начнутся жилые дома, среди них есть даже несколько пятиэтажек с удобствами внутри квартир. Дожди здесь редкость, поэтому, как правило, улицы вполне проходимы. Местные жители в основном трудятся на железнодорожной станции и в ремонтных мастерских. Есть десятилетка и профтехучилище. Видите, на улице много молодых лиц. Если кто-то из них попросит у вас закурить, сразу бегите. А вот и магазин, где можно недорого приобрести продукты питания.

СТОП-ТУР. Попробуй свое! Добро пожаловать на пожизненную дегустацию отечественных продуктов!

Теперь налево, и мы почти пришли. Вот она, автостанция! Вы, конечно, устали от обзорной экскурсии и пешей прогулки. Если скамейка свободна, можно прилечь. Набирайтесь сил, ведь уже завтра вам предстоит продолжить поездку. Потому что именно отсюда каждое утро (кроме выходных и праздничных дней) отходит автобус до воинской части.

А воинская часть – это следующий пункт вашего путешествия.

Интересно отметить тот факт, что этот пункт отсутствует на карте и даже называется не обычным названием, а неким сочетанием букв и цифр, которое мы не можем вам сообщить. Все эти меры предосторожности призваны не дать врагу обнаружить местоположение наших неприступных рубежей. Более того, много десятилетий назад, чтобы ввести в заблуждение предполагаемого противника, наши доблестные картографы, выполняя поступившее свыше распоряжение, густо покрасили этот район синей краской, объявив его крупным водохранилищем. Таким образом, противник лишился возможности предпринять здесь какие-либо действия. Забавно, что даже сейчас, когда необходимость в подобной топографической маскировке давно отпала, небольшая путаница в отчетности и правоприменительной практике приводит иногда к курьезным случаям. Дело в том, что по некоторым документам министерства обороны данная местность по-прежнему проходит как глубокое дно обширного водоема. Некоторые лица, публично утверждавшие, что водная поверхность в этих местах отсутствует, а имеется лишь нагая степь, были осуждены по обвинению в госизмене и все еще отбывают свой срок в местах заключения.

Только взгляните, как уходят вдаль бетонные заборы, как пересекаются в бесконечности параллельные линии колючей проволоки, как неприступны железные ворота КПП. Граница на замке! Часовые родины стоят! И стоять будут. Еще ни один супостат не покусился здесь на наши священные рубежи.

СТОП-ТУР. Никуда не езди, чтобы никто не приехал к нам!

О богатой и славной истории этих мест говорят исторические экспонаты. Хотите посмотреть настоящий танк? Он находится в самом центре военного поселения на бетонном постаменте. Грозное дуло танковой пушки обращено в сторону государственной границы, наша отчизна расположена сзади этого танка. Перед постаментом горит вечный огонь, который зажигают во время государственных праздников и в дни принятия присяги. Справа и слева от огня – две цветочные клумбы без цветов. Цветы здесь объективно не растут. За постаментом широко раскинулся асфальтированный плац, где новобранцы принимают присягу. На другом краю плаца – небольшой памятник. Статуя Родины-матери в натуральную величину. Родина стоит спиной к госгранице и указывает поднятой рукой в сторону танка, а также всей нашей великой родины. Многие говорят, что Родина-мать чем-то напоминает Ленина. Это совершенно нормально.

И вот пришло время прощаться. Мы посмотрели необъятные просторы нашей великой страны – столицу, город, станцию и военную часть. Далее, при всем обилии бронетехники, средства передвижения для гражданских лиц заканчиваются. Если вы не обладаете официальным статусом, позволяющим претендовать на внедорожник с шофером-срочником из штабного гаража, то придется прогуляться пешком. Километров пятьдесят. Не знаете дороги? Мы переживаем за вас!

СТОП-ТУР. Нам нечего больше делать, как переживать за всяких лохов!

Ну что ж, до свиданья, хорошего дня и до новых встреч. И главное, помните: Кыхма – жемчужина России!

СТОП-ТУР. Сидел бы ты лучше дома!

* * *

Поселок Кыхма. Центральная усадьба колхоза «Красный большевик». Это раньше, давно. Ныне заброшенное поселение, которого больше нет. Теперь здесь все называется бывшим – и клуб, и школа, и сельпо, и зерноток, и гараж, и ремонтная мастерская. Здесь, недалеко от бывшего правления, в полуразрушенном здании бывшего общежития обитает бесформенная старуха, которая имеет предосудительную привычку выть на крыльце.

Запустение.

А ведь некогда «Красный большевик» был на хорошем счету. Один раз даже из московского министерства какой-то начальник приехал отчетность проверять. Значит, и в Москве про Кыхму знали.

Главное занятие здесь – овцеводство. Пыль поднималась столбом, когда уходили одна за одной машины, доверху груженные настриженной шерстью, свернутой в плотные, туго перетянутые проволокой рулоны. Мясокомбинат принимал отслужившие свое отары, а чабаны получали молодняк. Пасти его трудно: ягнята, пока маленькие, норовят разбежаться, но пройдет время, они подрастут и собьются в плотное стадо, единое, неделимое и послушное овцеводу. А потом снова стрижка, а там и комбинат. Крупного скота было немного – с кормами здесь туговато, но надои были, молочно-товарная ферма ежедневно отправляла машину с цистерной на молокозавод. Здешний творог считали низкокалорийным и ценили. В полях выращивали в основном кукурузу на силос, но в небольших объемах сеяли и кормовую пшеницу.

Составляли планы, писали отчеты, заполняли таблицы. Трактористы в робах, пахнущих машинным маслом и соляжкой, расписывались в ведомости – там, где галочка. А еще была торговля в сельпо, еще мутный бабкин самогон с запахом половой тряпки, еще кино, танцы и драки в клубе, еще школа, где, конечно, обучение только до шестого класса (дальше интернат и профтехучилище на станции), еще медпункт и врач, ломавший напололам одну таблетку – вот это от головы, а это от живота, и, смотри, не перепутай!

Все было таким привычным, что казалось незыблемым. Никто здесь не хотел ничего менять. Никому такая возможность и в голову не приходила. Перемены случились сами собой, без чьей-либо злой или доброй воли. Как видно, пресловутая связь времен, словно приводной ремень в двигателе трактора, поизносилась, поистерлась, и вот вам, пожалуйста – поломка, авария, нарушение графика.

Летопись народной жизни селения Кыхма, длинная, как рулон туалетной бумаги, разворачивается перед мысленным взором.

И строк печальных не смываю, – как сказал поэт.

Сначала председатель взял и что-то приватизировал, потом его убили – царство ему небесное, потом зампредседателя получил кредит и куда-то навсегда уехал, потом посеяли кукурузу и пшеницу, а убрать не смогли, потом парторг продал на корм посевное зерно и стало нечего сеять, потом судили и посадили ветеринара, потом была холодная зима и пьяный бригадир трактористов уснул в силосной яме – и ему царство небесное, потом заведующий клубом поджег клуб, потом продавщицу сельпо посадили за недостачу, потом закрыли школу, потому что детей все равно мало и учить их все равно некому, потом парторг вышел из партии и стал вместо этого сдавать металлолом, потом куда-то пропала вся техника для посевной, потом жена зоотехника зарядила ружье и пошла искать самого зоотехника – царство ему небесное, потом Толян женился на дочери чабана и стал праздновать свадьбу, а Колян въехал на тракторе в зда-

ние правления, потом бывший парторг нашел наконец Бога, сказал, что приблизилось царство небесное, избрал себя депутатом и переехал жить в Москву, потом бывший врач в медпункте допился до чертей и уже не мог вспомнить, какая таблетка от чего, потом бывший землемер опрокинул керосиновую лампу и сгорело пять домов, потом кто-то стал травить частный скот, потом стали громить всех, кто что-то посеял, потом стали уезжать все, кто мог, потом даже те, кто не мог, потом бывший агроном вдруг сказал, что народ у нас тупой и хорошо не будет жить никогда, потом ему дали в глаз, потом – в нос, потом – в ухо...

Но не надо излишне драматизировать. Во-первых, до свадьбы заживет – царство ему небесное. А во-вторых, как говорится, кто старое помянет, тот враг народа и иностранный агент.

Вот как-то так, без чьего-либо злого умысла, а просто в силу череды неотвратимых перемен и несчастных случаев прекратил свое существование процветающий колхоз «Красный большевик».

Поселок Кыхма тоже был обречен на исчезновение.

В определенном смысле он даже исчез, поскольку перестал числиться в качестве административной единицы. По документам его попросту нет. Подтверждением чему служит тот факт, что военные ввиду отсутствия в данной местности населенных пунктов даже организовали за соседней сопкой свой полигон. Сюда иногда свозят списанную технику. Летчики проводят учебное бомбометание, сбрасывая холостые, а порой и настоящие боеприпасы. Несуществующий поселок, оглашаемый грохотом взрывов и сотрясаемый толчками авиаударов, словно оказавшийся в вечной прифронтовой полосе, постепенно превращался в ничто.

В брошенных домах исчезали окна и двери, пропадало железо с крыш, выламывались балки и половые доски. Казалось, строения просто тают сами по себе.

Очень по-разному могут уходить в небытие жилища человеческие. Где-то прожорливая растительность, змеиным клубком вползая в каждую щель, рвет на части и жадно поглощает все созданное людьми. А на иных широтах снега и дожди ополчаются против возведенного человеком: тяжелый запах гнили поднимается из темных, сырых углов, чуть слышно хрустят жуки, копошатся мокрицы, плетет паутину паук, въедливая плесень подтачивает опоры, делает слабыми балки – и становится мусорной кучей покинутый семейный очаг. А бывает и так, что разгул стихий, буйство ветра, сошедшие с гор лавины и грязевые оползни, ужасные наводнения или потоки вулканической лавы не оставляют камня на камне от домашнего крова.

Здесьняя степь, тихая степь государственных окраин, действует по-иному. На этой пустынной земле ничто, кажется, не посягает на плоды людского труда, нехитрые творения колхозного зодчества. Пускай себе вечно стоят под безоблачным небом. Пусть не потревожит их легкая череда ночей и дней. Что может быть нового под солнцем? Налетает ветер. Шуршит пыль. А брошенные человеком постройки словно растворяются в синеве. Эта синева льется в дом сначала через выбитые окна, затем – через прорехи в крыше, а затем – через проломы в стене, где вынуты кирпичи. Эти кирпичи, они такие хрупкие, такие эфемерные в этих краях, они тают в синеве, как куски сахара в стакане горячего чая.

Прошло совсем немного лет. Где дом твой, человеке? Ответь мне! – Разве я сторож дому моему? Его поглотила степь, его развеял по склонам ближайших сопкок ветер, его растворило в себе синее степное небо. А что это за пятно на земле? Следы кочевья? Покинутая стоянка, над которой плачет одинокий путник? Это все, что осталось от жилища отцов.

– Все преходяще, – говорит степь.

И смеется в ответ небесная синева.

Конечно, пустующие жилища в Кыхме разбирали на топливо и пригодные стройматериалы, но разве это отменяет поэзию?

И все же в пустоте теплилась какая-то неучтенная жизнь. Мертвый поселок был покинут не всеми. Ибо, как ни бескрайни просторы отечества, а всегда находятся те, кому некуда

податься на этих просторах. «Широка страна, а места в ней не найти», – как будто вздыхают горемыки, забытые в брошенном доме. Почему? Один в силу преклонного возраста и немощи не надеется перебраться в чужие края. Другой тихо спивается и, кое-как выживая дома, не имеет сил собрать пожитки и покинуть родные пенаты. Третий, как тяжелый, лежащий камень, под который не течет никакая вода, врос в илистое дно так, что не сдвинет его с насиженного места и самый бурный поток. По-разному бывает.

Так покинутый поселок не исчезал до конца, в нем продолжала копошиться маленькая жизнь, которая, впрочем, должна была замереть и сойти на нет через некоторое время.

Но было тут и еще кое-что. Была дорога. Земляная дорога, которая проходила недалеко от поселка, за ближайшей сопкой, и там раздваивалась. Можно пойти направо, а можно – налево. И если пойдешь направо, то километрах в тридцати увидишь высокий бетонный забор с тремя рядами колючей проволоки. Похоже на военную часть. Только это лагерь строгого режима. Говорят, здесь залегала медная жила, и, чтобы обеспечить количество рабочих рук, необходимое для добычи ценного металла, было принято решение создать лагерь и ускоренно заполнить его заключенными. Только все это ерунда. Никакой меди здесь сейчас нет, а лагерь есть. Значит, он представляет ценность сам по себе, существует ради себя самого. Можно обойтись без меди, а без лагеря обойтись никак нельзя. А если пойдешь налево, то опять же километрах в тридцати увидишь высокий бетонный забор и колючую проволоку в три ряда. Снова похоже на военную часть.

И снова это не военная часть. Тут – диспансер, как ни дико звучит в степи это слово. Особый диспансер, сюда помещают тех, кто повредился умом, совсем спятил, окончательно рехнулся, полностью обезумел. Зачем диспансер располагается в столь глухих местах, какую жилу здесь разрабатывают умалишенные в серых смиренных рубашках, сказать трудно.

Ходили слухи, что проделывали там что-то, что нужно скрыть от посторонних глаз. Разное говорили, но все это тоже ерунда. Некрепки разумом обитатели степных окраин, сбивчив и отравлен бескрайней пустотой их рассудок, и надо же тех, кто утратил последнюю его малость, куда-то девать.

Так вот. Кто размещается у дороги, ведущей направо, отбыв назначенные правосудием сроки, отправляется, как водится, восвояси, стремясь добраться до постоянного места жительства. Но бывают и такие, кому некуда ехать. А кто нашел приют у дороги, ведущей налево, – тому срок мотать не нужно. Просто иногда медицинское учреждение переполняется, пациентов размещать негде, и тогда способных к самостоятельному существованию объявляют исцелившимися и выписывают. Покинув огороженную территорию, психи тоже, как могут, стремятся к местам постоянной прописки.

Однако и среди них находятся те, кто лишен отчего дома или кого совсем там не ждут.

Неисповедимыми путями некоторые из освободившихся справа и слева попадают в несуществующий поселок и оседают в нем. Конечно, не всякий из забредших сюда может здесь выжить. Для этого мало научиться добывать средства к существованию, что само по себе непросто, – нужно еще найти правильное, подходящее место в небольшой людской стае, пестрой и разнородной, но умеющей быстро объединяться в нелюбви и жестокости – в нелюбви к чужому, к слабому, к тому, у кого сейчас есть больше, чем у других.

Особенно трудно пережить зиму. Хотя сильные морозы в этих степях редкость и ртуть термометра почти никогда не опускается ниже двадцатиградусной отметки, здешние зимы все же пугают не холодом, их злость сосредоточена в ветре.

Этот ветер может дуть целыми днями, равномерно и равнодушно, не усиливаясь и не ослабевая, словно где-то включили маховик гигантской воздушной турбины. Он никому не дает пощады – через полчаса и крепкий сибиряк, добрый молодец, привыкший к самым лютым морозам, и маленький коренастый якут, закаленный бесконечностью снежных равнин, будут дрожать и ежиться, как два мокрых щенка.

Местность здесь холмистая – сопки вздымаются застывшими волнами бескрайнего моря. На их вершинах земля камениста и бесплодна. В низинах порой заметна зелень, но трава быстро жухнет и желтеет. В середине короткого лета она торчит колючими клочьями. Видимо, вместе с колхозом здесь закончилась и сама природа. Осталась сухая ненужная земля. Она не способна быть почвой, она – залежи пыли, море безводного праха, которого не унести даже самому сильному ветру. Кое-где эта земля зло слоится серыми пластинами колотого камня с неровными, острыми краями – она рада уколоть, поранить, изрезать, а местами собирается в тяжелые, черные валуны – темные сгустки векового бесплодия.

Старуха стихла, она перестала выть, заползла в свою нору, задев по пути свисавший с потолка провод. Он долго, тоскливо покачивался в середине пустой комнаты.

Ночью из комнаты тихо выходит пустота, она осматривается вокруг и неслышно спускается с разбитого крыльца, чтобы полностью завладеть поселком. Среди развалин нет светящихся окон, не слышно голосов, не видно никакого движения. Пугливое время тихо крадется, как осторожная кошка, бесшумно пробирающаяся по темному, безлюдному пустырю.

* * *

Никто не считает дней. Только однажды под утро слышится отдаленный рокот. Два мотоцикла один за другим медленно двигаются по петляющей в степи дороге. Хозяин возвращается с ночной работы. Светает. Пустота прячется в свое логово. Здесь и там просыпается слабая жизнь. Кто-то семенит к старой водокачке. Откуда-то тянет запахом дыма.

А в большой землянке, серым холмом горбящейся напротив бывшего общежития, готовится маленький праздник.

Деревянный стол, грубо выкрашенный белой краской, служит постаментом для странного натюрморта. В экспозиции представлены: унты новые – одна пара, коньяк армянский, три звездочки – одна бутылка, тушенка говяжья – шесть банок, лак для волос – один флакон, телевизор маленький, плоский, производства Белоруссии – одна штука.

Борис Парус, тот самый Борька Парус, которого прошлым вечером винила бесформенная старуха и всей душой ненавидели Беда и Капитан, хлопочет, бегаёт, суетится по всей комнате, как трепетная хозяйка перед приходом важных гостей. Он несколько раз передвигает стулья, проверяя, хорошо ли они стоят. Стулья стоят как стулья. Удостоверившись в этом, хлопотун бросается к ведру с золой и задвигает его в дальний угол. Убирает за печку кочергу и совок. Поднимает с пола телогрейку – ее он подкладывал под голову, когда спал на голом полу, – и кладет на деревянный ящик у стены. Затем перекладывает на одну из кроватей – в большой землянке есть место для трех металлических коек. Затем снова хватает и вешает на гвоздь поверх старой полосатой робы.

Землянка просторная и светлая. Два небольших окна под потолком расположены по обе стороны.

Как вкусно поблескивает бутылка на столе! То и дело Парус скашивает глаза, украдкой бросая влюбленные взгляды на натюрморт. Но смотреть прямо – немного боязно, и он вновь бросается что-то поправлять и переставлять в комнате.

Вот как может повернуться жизнь. Уже неделю человек спит на полу (кровати заняты другими), подкладывая под голову рваную телогрейку, у которой из рукава торчат желтые клочья свалявшейся, вонючей ваты. Еще этот человек служит на побегушках, получает в награду тычки и затрещины, боится быть в землянке, боится выйти из землянки... И что он при этом о себе думает?

Борис Парус мечтательно засмотрелся на безжизненный экран телевизора, который стоит теперь на столе, свесив на пол шнур, словно длинный хвост спящего зверя. В Кыхме давно нет

электричества: ночную добычу энергии толкнут на станции быстро, не торгуясь – уж сколько дадут, столько дадут. Все так. Но пока... Жизнь в степи, где государство исчерпалось и закончилось, а цивилизация с ее благами истончилась так, что стала почти неразличимой, научила Паруса довольствоваться немногим. Теперь он мог смотреть и выключенный телевизор.

Стоило Борису внимательно взглянуться в матовый омут, как по черной поверхности скользнула легкая рябь, побежали смутные тени, туманные образы всплыли, затем обрели контуры, цвет и голос.

– Наши сотрудники не справляются, они не успевают записывать ваши вопросы. Вал вопросов буквально захлестнул студию. Телезрители, как всегда, проявляют огромный интерес, россияне прильнули к голубым экранам, забыв про чемпионат по футболу и любимый сериал. В чем же дело? Что стряслось? Не волнуйтесь. Просто в эфире самого первого в мире канала очередной выпуск передачи «Великие люди России». И сегодня у нас очень интересный гость. Его зовут Борис Парус. Здравствуйте, Борис. Спасибо, что нашли для нас время в вашем плотном деловом графике. И начну я с вопроса, который волнует буквально всех. Телезрители очень хотят узнать, а кто такой Борис Парус?

– Прежде всего, я бы отметил, что Борис Парус – это я.

Борис Парус, то есть я, мог бы достичь совершенно замечательных достижений в совершенно разных сферах. Лично я считаю Бориса Паруса совершенно великим человеком, непризнанным гением, первооткрывателем, первопроходцем, перводвижателем, провидцем, пророком, прорицателем, шаманом, вождем заблудших и утешителем страждущих.

– Думаю, с этим согласятся все. Достижения, которых мог бы достичь Борис Парус, действительно, никого не оставят равнодушным. Они производят потрясающее, незабываемое впечатление. Однако наш телезритель Игорь, заслуженный сомелье из Улан-Удэ, спрашивает, что делает Борис в землянке? Вызывает недоумение, – замечает Игорь, – тот факт, что великий человек оказался в заброшенном поселке со странным названием – то ли Пыхма, то ли Мыхма, – который на самом деле даже не существует. Что мы ответим Игорю?

– Игорь, отвечая на ваш вопрос, я должен констатировать, что дело тут в обычной человеческой зависти. Окружающие не могут простить выдающемуся человеку его совершенно выдающихся качеств. У нас ведь традиционно не любят тех, кто явно стоит выше среднего уровня. Что уж говорить о человеке, который с трудом различает малюсеньких современников – этих назойливых муравьишек, суетящихся у его ног? Как говорится, дернул же меня Бог с умом и талантом родиться черт знает где. В справедливости этих слов мы лишний раз убеждаемся, глядя на непростой жизненный путь Бориса Паруса, то есть на мой жизненный путь.

– В связи с этим Ольга, старейшая шпалоукладчица из Санкт-Петербурга, просит рассказать, каким образом бездарные современники всеми силами старались отравить жизнь великого человека.

– Ну, прежде всего, Ольга, я бы выделил клеветнические обвинения. В чем только эти горе-современники не обвиняли великого человека! Можно сказать, вся его биография соткана из домыслов, наветов и бессовестной лжи. Всем этим так называемым современникам пора положить конец!

– Именно этого давно ждут все наши телезрители. Современники свое получают! А пока пришел вопрос от Аркадия, передового бизнес-тренера из Читы. А что же семья? – спрашивает Аркадий. Неужели у Бориса Паруса были родители? Конечно, они гордятся столь выдающимся сыном.

– Отнюдь. Удивительно, как союз двух столь посредственных, ограниченных, совершенно никчемных людей мог стать причиной рождения такого неординарного гения. Да это просто в голове не укладывается. Это совершенно неправдоподобно и невозможно. Я склонен думать, что Борис Парус появился на свет самостоятельно, а так называемые родители только примазались к этому делу ради мелких, своекорыстных интересов.

– Удивительная история. А что скажут наши эксперты? Мы попросим первого эксперта уточнить – мог ли великий человек самостоятельно, без чьей-либо помощи обусловить свое рождение?

– Как ученый с многолетним стажем работы в сфере политологии я с интересом следил за вашей дискуссией. И должен отметить, что баланс сил в современном мире характеризуется чрезвычайной сложностью. При этом не прекращаются попытки вмешаться во внутренние дела нашей страны. Однако будьте уверены, мы сумеем дать достойный ответ этим господам по обе стороны границы! Появление на свет гражданина нашей великой страны должно быть обусловлено не какими-то сомнительными родителями, а государственными интересами, связанными с нацпроектами, повышением обороноспособности, суверенности, импортозамещения и других форм духовного возрастания родины.

– Вот так! Мы дадим асимметричный ответ! За нами, как говорится, не заржавеет! Это было мнение эксперта. Однако что главное в передачах самого первого канала? Главное – объективность и беспристрастность. Поэтому мы попросим кратко охарактеризовать так называемых родителей великого человека.

– Ну, если говорить кратко, они представляли собой человеческий тип в чем-то страшный, а в чем-то комический.

В этих местечковых персонажах преобладали глупость, граничащая с кретинизмом, хроническая неспособность признать очевидное превосходство другого, постоянные попытки навязать свое мнение тому, кто заведомо их умнее, а также полное отсутствие чувства родительского долга. К этому следует добавить прискорбное отсутствие чувства юмора и, как следствие, дурацкую обидчивость по поводу тонкой и вполне оправданной иронии, объектом которой они нередко становились. Да, и еще, конечно, не стоит забывать про патологическую жадность.

– Я не думал, что дела обстояли настолько плохо. Конечно, встать вровень с великим человеком для простых смертных практически невозможно, но нужно хотя бы преклоняться перед его непостижимым величием. Боюсь, даже сам Борис Парус был не в силах перевоспитать подобных людей.

Я чувствую, у всех в студии возник вопрос: неужели великий гений вынужден был провести свои отроческие годы в столь недостойном обществе?

– Увы, это так. Ну, разумеется, его жизнь в подобной семье не могла не превратиться в череду конфликтов и скандалов, неизменно провоцируемых усилиями двух крайне ограниченных людей. Скажу больше, именно их глупые поучения и постоянные истерики помешали великому человеку добиться действительно великих достижений еще в раннем возрасте.

– Так вот в чем дело! Теперь все объяснилось.

– Конечно. Так называемые родители не останавливались ни перед чем. Именно с их легкой руки выдающийся человек впервые столкнулся с клеветническими обвинениями в свой адрес. Он ничего не брал! Такого не было! Они каждый раз сначала сами все потратят, а потом на другого валят. Козлы! Суки! Мрази!

– И это еще мягко сказано. А я передаю микрофон нашему второму эксперту. Хотелось бы услышать, что думает психолог о ситуации, сложившейся в семье великого человека?

– Не случайно говорят – природа на родителях отдыхает.

Да, родители часто бывают неблагодарны, они не ценят всего того, что мы для них делаем. Конечно, придет время, они все поймут, но будет уже слишком поздно. Увы, мы часто сталкиваемся с тем, что родители, которым не уделяют должного внимания, поддаются под влияние улицы, работы, различных друзей и даже родственников. Уговоры здесь действуют далеко не всегда, зачастую необходимы формы общественного контроля и принуждения. Как эксперт я рекомендую шире применять такую меру, как лишение родительских прав.

– Это было мнение нашего эксперта-психолога. А гость нашей студии сегодня – народная артистка России, лауреат государственной премии, член совета по культуре Виктория.

Викторию представлять не нужно, мы все знаем ее по замечательным актерским работам в отечественном кинематографе.

– Мне, короче, тоже приходится сталкиваться с различными проявлениями человеческой тупости. Понять и оценить мое творчество способны далеко не все. Чтобы понять настоящее, серьезное произведение искусства, зритель должен постараться подняться до моего уровня. Сечете?

– Конечно. Не каждый способен оценить великих людей – такое мнение высказала в нашей студии народная артистка России, лауреат государственной премии, член совета по культуре Виктория, которая, повторяем, не нуждается в представлении, поскольку известна по замечательным актерским работам в отечественном кинематографе. А вот Сергей, потомственный ландшафтный дизайнер из Воркуты, тоже решил поделиться с нами своим мнением. Сергей утверждает, что Борис Парус был счастлив покинуть дом и начать самостоятельную жизнь.

– Сергей абсолютно прав. Разумеется, переезд в другой город был воспринят великим человеком радостно, хотя патологическая жадность так называемой семьи сказала и тут.

– Неужели? Что еще они устроили?

– Они постарались сломать Борису Парусу, то есть мне, жизнь. Ведь всем известно, что хорошие баллы на государственных экзаменах в малых городах России стоят совсем недорого.

– Конечно. Это входит в потребительскую корзину и соответствует минимальному прожиточному минимуму.

– И что тогда сказать о родителях, категорически отказавшихся оплатить баллы, которых безусловно заслуживал великий человек и единственный ребенок в семье? Внесенная ими сумма не позволяла даже мечтать о хорошем вузе. А ведь в случае переезда в Москву великого человека ждала великая карьера. Уж там-то его выдающиеся достоинства были бы наконец оценены по достоинству!

– Никто в студии в этом не сомневается! Москва ждала великого человека с большим нетерпением. Я хорошо помню то время.

– А теперь представьте – один из самых замечательных людей России поступает в заштатный пединститут. На будущем был поставлен крест.

– Я не знаю достаточно сурового наказания для подобных родителей и вынужден обратиться к эксперту. Скажите, отец Михаил, что делать, если на будущем поставлен крест?

– Это ужасно, чудовищно! В обществе, забывшем заветы святых отцов, исчезает даже естественная отцовская любовь.

Что уж после этого говорить про материнскую?! Мои чувства глубоко оскорблены услышанным. А это, должен вам напомнить, уже статья уголовного кодекса.

– Наш эксперт напомнил так называемым родителям Бориса Паруса про уголовный кодекс. По окончании передачи мы отправим данный запрос в прокуратуру. А пока вопрос от Ильи, метрдотеля с многолетним стажем из Челябинска.

Сумел ли Борис Парус, несмотря на столь слабое учебное заведение, проявить свои выдающиеся способности?

– Ну, разумеется. Тут сомневаться не приходится. Он бы обязательно их проявил, если бы вновь не стал объектом пустых придирок и ложных обвинений. Бездарности и посредственности снова взялись за свое, они объединились в борьбе против таланта. Доходило до смешного. Например, всем известно, что Борис Парус, то есть я, никогда не брал чужого, если, конечно, не имел веских оснований считать его своим.

Поэтому обвинения в кражах в студенческом общежитии и в гардеробе так называемого вуза ни на чем не основаны, абсурдны и вызваны лишь неприязнью к яркому дарованию.

Позвольте заметить, что денег, которые выдающемуся человеку присылали из дома, катастрофически не хватало. Он просто вынужден был проживать в этом вонючем общежитии, что также ясно доказывает его невиновность.

– Действительно, от нелепых обвинений буквально не остается камня на камне. Оператор, покажите экспертов. Вы видите? Они все согласно кивают. Молодцы, так держать! Но я хотел бы задать вопрос, поступивший от Аскольда, профессионального инструктора по фитнесу с полуострова Таймыр. Научился ли Борис Парус чему-нибудь в пединституте?

Или – добавлю я от себя – он изначально обладал знаниями, значительно превосходящими уровень убогого провинциального вуза?

– Интеллект, эрудиция и общая культура преподавательского состава в целом были крайне низки.

– Ну, разумеется.

– Великий человек с детства тянулся к знаниям, он даже и обладал колоссальными знаниями, но у него не было времени, чтобы запоминать всякую ерунду. Он быстро понял, что система образования рассчитана на посредственность.

Возникали конфликты. А пили там все, и другие пили еще больше, и курить великий человек вообще только попробовал. Сказать по правде, на таких педагогов с трезвых глаз смотреть невозможно.

– Ну, зачем, зачем нам нужны подобные учебные заведения, скажите на милость?! Чему там могут научить наших детей? Это был не вопрос. Вопросы тут никакого нет. Подобные заведения нам не нужны, и ничему хорошему в них не научат.

А вопрос пришел от Тамары, опытной манекенщицы и передовой модели с острова Кунашир. Скажите, пожалуйста – спрашивает Тамара, – как выдающийся человек воспринимал обыкновенных, ничтожных людишек, которые его окружали?

– Спасибо за вопрос, Тамара. Это, действительно, очень интересный вопрос. Борису Парусу, то есть мне, в то бурное студенческое время часто казалось, что так называемых людей не существует. Они появляются лишь потому, что он их придумал. Они не люди, они – персонажи. Он живет среди персонажей, для которых сам создает и события далекого прошлого, и происшествия вчерашнего дня. Они произносят придуманные им реплики. Понимаете, великий человек – сценарист судьбы. Именно это сознание, а не выпивка с куревом, давало великому человеку пьянящее чувство свободы.

Он понял, что глупо ссориться с миром, который он сам придумал. Конечно, нередко он обижался на своих персонажей, порой его задевала их неблагодарность, коробило их неумение правильно сыграть отведенную роль. Однако затем он понимал, что эта обида тоже придумана им. Она тоже часть его сценария. И тогда депрессия всякий раз сменялась бурным ликованием.

– Это потрясающе! Какая глубина философской мысли!

В столь юном возрасте – столь пронзительный взгляд на так называемых людей! Невероятно! Творчество Бориса Паруса, если бы он занимался творчеством, несомненно вошло бы в золотой фонд российской культуры. Эти аплодисменты – вам! А пока Аня, дипломированный тренер по пляжному волейболу из Верхоянска, просит рассказать, что делал великий человек после неожиданного, немотивированного и абсолютно незаконного отчисления из пресловутого пединститута.

– Пришлось вернуться в вонючую дыру, на так называемую малую родину.

– Это ужасно!

– Да, хорошего было мало. Великий человек проживал у так называемой бабушки. Ни малейшего желания общаться с так называемыми родителями он не испытывал. Они стали для него чужими людьми. Их жадность только усугубилась.

Поскольку великий человек не мог найти для себя достойной сферы деятельности, он был вынужден не работать, а денег, которые передавали ему эти чужие люди, ни на что не хватало.

Великий человек был обречен на унижительную нищету. О тяготах, перенесенных Борисом Парусом, то есть мной, свидетельствует хотя бы тот факт, что он вынужден был периодически продавать некоторые вещи из бабушкиной квартиры.

– Это неслыханно! Откуда, скажите, у нас берутся такие родители?! Как не стыдно им будет смотреть людям в глаза?! Хотя есть, есть у нас люди без стыда и без совести.

(На благородном лице ведущего брезгливость борется с негодованием.)

– Эй, говно! Это я обращаюсь к еще одному, с позволения сказать, гостю нашей студии. Посмотрите и запомните – перед вами небезызвестный иностранный агент, враг народа, изменник родины, политическая проститутка, продажная девка, безродный космополит, наймит, предатель и просто мразь. Вот, полюбуитесь, этот отщепенец не любит Бориса Паруса, не восхищается им и, возможно, даже не считает его великим человеком.

(Парус был настолько обижен присутствием человека, не желающего признать его очевидного величия, что хотел даже переключить на другую программу. Однако взял себя в руки и продолжил просмотр. Ведущий погрозил врагу кулаком, но вспомнил о профессиональной этике, сдержался и задал конкретный вопрос.)

– Не хочу произносить имя этого отребья, поэтому сразу спрошу. Как ты, скотина, думаешь, если бы лично ты был таким отцом или, например, такой матерью и был бы у тебя, свинья, такой замечательный сын, как Борис Парус, было бы тебе хоть немного стыдно, проснулась бы у тебя совесть или, конечно же, нет?

– Простите, но должен заметить, что я не во всем могу с вами согласиться. В поступках Бориса Паруса можно отметить и некоторые недостатки. Мнение о том, что именно он является великим человеком, разделяют далеко не все.

– А кто является? Ты что ли?! Может, это тебя мы тут будем слушать?! Про тебя будем разговаривать? Нет, ну вы только посмотрите на него! Этот от скромности точно не умрет. Пришел сюда хвост распускать.

– Я, собственно, хотел...

– Хотеть будешь у девочек.

(Громкий смех в студии.)

– Лучше заткнись и отвечай на вопрос. Стыдно тебе? Совесть у тебя есть?

– Я, простите, хотел бы только заметить, что родители Бориса Паруса совсем не богатые люди. Они сами с трудом сводят концы с концами. И тем не менее, насколько мне известно, после той истории в общежитии института они приехали, чтобы как-то все уладить, и дело не было возбуждено.

Понимаете, возможно, не стоит огульно обвинять их во всем, наклеивать, так сказать, ярлыки, возвращаться к тем временам, когда...

– Хорош врать! Надоело слушать эти рассказы! Прибереги такие истории для своих хозяев. Вот вы, уважаемые телезрители, всё спрашиваете: «Откуда у нас берутся такие родители? Откуда у нас берутся такие родители?» А вот откуда! Ну, вообще ничего святого нет у людей! Пошел вон из моей студии! Еще раз тебя здесь увижу, пеняй на себя. А мы послушаем мнение другого человека, того человека, которым страна может гордиться. Уважаемый Борис Парус, расскажите нам, пожалуйста, какие еще непростительные поступки продолжали совершать ваши так называемые родители?

– Положение Бориса Паруса, то есть меня, ухудшилось с приходом идиотской повестки. Так называемые родители окончательно распоясались. И все же великий человек был уверен, что место его проживания у бабушки останется неизвестным сотрудникам военкомата.

– Конечно. Откуда им знать? Они в жизни не догадаются.

– Но они все узнали.

– Невозможно. Каким же образом?

– Это был донос. Великий человек уверен, что его родственники поставили в известность так называемый военкомат. А ведь они могли просто промолчать. Могли сказать, что не знают, сказать, мол, давно нет никаких известий, мол, куда-то уехал, могли спросить, что передать, обещать, что поставят в известность при первом удобном случае. Все так делают. Но нет! Они выбрали предательство.

– Чудовищная история в нашем эфире. Отец и мать предают собственного сына, а бабушка выступает как соучастник. Семья – Иуда. Возможно ли такое, отец Михаил?

– Враги человеку домашние его.

– Таково мнение нашего эксперта. Вернемся к нашему гостю – что же теперь скажет народная артистка России, лауреат государственной премии, член совета по культуре Виктория, которая и так всем известна по замечательным актерским работам в отечественном кинематографе?

– Козлы человеку домашние его!

– Вы видите, в нашем обществе достигнут консенсус по одному из важнейших вопросов. А высококвалифицированный жокей из Краснокаменска Иван задает следующий вопрос: какое отношение к вооруженным силам сформировалось у великого человека в результате прохождения срочной службы в так называемой армии? Что же ответит Ивану Борис Парус?

– Великий человек быстро понял, что это вообще не его.

Вот некоторые у нас думают, что армия – решение проблем, она-де спасет от дурных привычек, отучит от одного, приучит к другому, избавит от зависимости, улучшит, воспитает, перевоспитает, доделает и переделает. Великому человеку тоже довелось выслушать подобную чушь от так называемого отца и так называемой матери!

– Какая глупость! Ахинея! Просто бред сумасшедшего!

Стыдно думать так в двадцать первом веке!

– Совершенно с вами согласен. Казарменная казенщина, унылая муштра, отвратительное питание, грязная речь и томительное одиночество в потной толпе сослуживцев – вот что представляет собой так называемый курс молодого бойца.

Великий человек, который даже студенческое общежитие считал тюрьмой, должен был жрать какие-то помои в солдатской столовой. Все окружающие персонажи были написаны плохо.

Характеры не проработаны, сюжетные мотивировки неубедительны, реплики однообразны и лишены остроумия. Вся фабула происходящего тоже выстроена из рук вон плохо. Добавьте к этому бедность предметного окружения. Великий человек воскликнул: «Я этого не писал! Это бездарно написано, совершенно бездарно!» Как знаток и ценитель изящного слова Борис Парус счел себя глубоко оскорбленным. Как можно было предлагать ему вооруженные силы – это отвратительное чтиво, этот дешевый продукт массовой культуры?! Разве мог он допустить, чтобы его, то есть мое, имя значилось на обложке этой постыдно сфабрикованной халтуры? Решительно отказавшись от авторских прав на так называемую военную часть и всех ее героев, великий человек лишней раз продемонстрировал тонкий художественный вкус. Он выбрал эстетику и свободу!

– Его можно понять. И что же он предпринял – не терпится узнать всем нашим телезрителям.

– Он принял решение.

– Какое? Ради Бога, не томите. Что он решил?

– Дело было так. Однажды великий человек в окружении группы неудачников, не сумевших избежать воинской повинности, стоял на так называемом плацу. У всех было то особенно тупое выражение лица, какое бывает у обычных людей в особенно торжественные моменты их никчемной жизни.

Впрочем, надо признать, что даже великий человек был далеко не столь ярок и блистателен, как ему свойственно. Каждый бедолага из этой компании по очереди выходил вперед, делал несколько шагов, ударяя подошвами сапог по бетонному покрытию, потом, как цапля на болоте, на одной ноге разворачивался и снова по прямой топал по направлению к небольшой статуе, изображавшей так называемую Родину-мать. Эта самая мать всегда стояла с поднятой рукой и напоминала Ленина. Здесь говорились слова самой глупой клятвы на свете.

Сказал эти слова и великий человек. Но про себя он подумал:

«Все замечательно, все просто прекрасно. Родина-мать зовет.

Но дело, видите ли, в том, что я – сирота. Круглый, как луна в полнолуние, сирота». И ближайшей ночью Борис Парус покинул ряды вооруженных сил.

– Удивительная история. Какое беспримерное мужество – Борис Парус самовольно покинул расположение воинской части. Это – настоящий подвиг. Мы все гордимся вами, Борис Парус! Только представьте – ночью, один, в безлюдной степи шел великий человек навстречу своему будущему.

Когда-нибудь, я уверен, эту степь назовут вашим именем.

– Давно пора. А пока великий человек самостоятельно вышел в отставку и в бескрайнюю степь.

– Вот пример истинного героизма великого человека! Мы хотели бы приветствовать вас стоя.

(Все в студии встают и долго аплодируют Борису Парусу.)

– Спасибо, спасибо, а пока дайте дорассказать.

(Все садятся на свои места.)

– Какая удивительная скромность. Это не жизнь, а настоящий приключенческий роман. Как получилось, что о Борисе Парусе еще не сняли фильм? Что же произошло дальше?

– А произошло то, что, когда рассвело, великий человек остановил на дороге рейсовый автобус, сел в него и доехал до станции.

– Рейсовый автобус? В степи? На дороге? Потрясающе! Мало кто способен придумать такое!

– Здесь он и остался на некоторое время. Местом его проживания стал плацкартный вагон на тупиковом пути, где можно было проживать без документов, если подрабатывать на станции разнорабочим. «Он приехал на перрон, сел в отцепленный вагон», – как сказал поэт.

– Удивительная находчивость. Великий человек нигде не пропадет. И как вам понравилось в этой глухомани? – спрашивает Варвара, старшая переплетчица из Барнаула.

– Всюду жизнь, Варвара, всюду жизнь. Везде мы встречаем злобу и зависть окружающих. Великий человек не делал ничего предосудительного, он никому не причинял вреда, вел жизнь законопослушного гражданина, но однажды он узнал, что им интересовался так называемый участковый. Этот персонаж, видите ли, приходил и интересовался. Интересно ему! Хотя в вагонах на тупиковых путях – там ни у кого документов не спрашивали.

– Ну, разумеется, зачем про них спрашивать? А что, собственно, этому оборотню в погонах было надо?

– Великий человек так и не смог этого выяснить. Он заподозрил здесь происки некоторых персонажей, по рассеянности лишившихся части своего так называемого имущества. Чтобы оправдать собственное разгильдяйство, они обвиняли во всем Бориса Паруса, то есть меня.

– Жалкие отговорки. Надо было смотреть за своими вещами.

– Они сами во всем виноваты. Однако великий человек был весьма мудр, он не хотел встречи с персонажами, связанными с так называемой правоохранительной деятельностью.

Борис Парус, то есть я, просто покинул станцию, оставил обжитое место.

– Блестящее решение, хотя и вынужденное! Значит, снова в путь? На поиски новых приключений?

– Снова в путь, только идти было некуда.

– Кстати, данная тема волнует и Аристарха, ветерана флористики из Находки. Куда же Борис Парус направил свои стопы на этот раз? – спрашивает Аристарх.

– Недалеко. Опуская ненужные подробности, скажу лишь, что Борис Парус, то есть я, после утомительных мытарств и блужданий повстречал некоего ничтожного персонажа по прозвищу Беда. Этот тип вечно норовил восстановить справедливость, хотя был совершенно не способен ни в чем разобраться.

– Жалкое создание, не заслуживающее внимания.

– Совершенно верно. И еще более жалок был другой персонаж, получивший наименование Капитан. Он по большей части молчал, никогда не улыбался, а пьяный проклинал каких-то якобы обокравших его воров – просто пародия, карикатура на настоящего капитана.

– Какое убожество. Как низко могут пасть люди.

– Эти двое бездельников, перебивающихся случайными заработками на станции, и приютили на время великого человека в своем убогом жилище в заброшенном поселке. И что самое смешное – совсем рядом, за сопкой находится военный полигон. Борис Парус, то есть я, покинул вооруженные силы, а теперь он периодически слышит, как разрываются так называемые боеприпасы.

– Ха-ха-ха! Я давно так не смеялся. Вместе с нами смеется и Джессика, почетный оленевод из Москвы. Сквозь смех Джессика спрашивает...

Но тут экран неключенного телевизора внезапно гаснет, как будто кто-то нажал красную кнопку невидимого пульта.

Борис Парус снова топчется в середине землянки, боязливо поглядывая на стол, и потертые армейские брюки колышутся на исхудавших бедрах, словно дрожит тощая, стариковская задница.

* * *

– Отыдь!

И Парус отбегает, освобождая проход. Прижимается к стене возле криво висящих полок, шмыгает носом, улыбается, что-то бормочет.

Понятно. К столу медленно движется сам. Глаза Паруса светятся надеждой, он трепещет от готовности сорваться с места по первому слову, даже раньше, чем оно будет произнесено вслух. Хозяин шагает медленно. Он хром, ставит левую ногу криво, с наклоном, переносит на нее вес грузного тела и лишь затем делает следующий шаг. Он невысок ростом, но в нем – неодолимая тяжесть. Он – металлический идол, выкованный древними демонами степей в тайных подземных кузницах возле глубоко залегающих руд. Он движет себя к столу в землянке, как к алтарю своего капища. Лишь так, медленно, шаг за шагом, может он нести свое чугунное тело. А другим не сдвинуть его вовсе. Он опирается на кирпичи давно остывшей печки, затем – на спинку стула, и стул скрипит, или сама земля стонет под бременем этого властелина. Руки, широкие, как человеческий торс, придавливают вещи, заставляют признать свою власть, склонить выю.

Воссел, облокотившись на грязный стол, смотрит в сторону двери. Яркая жилетка, вся расшитая угловатым узором из желтых и красных линий, трещит, того гляди лопнет, не выдержав напора могучего пуза, прожорливой, волчьей утробы исконного обитателя этих мест. Он – ненасытный богатырь. Обглодает мясо и сломает баранью кость, как спичку, чтобы с чмоканьем высосать красными, мясистыми губами вкусный костный мозг – дочиста, ни капли не оставив. Прихватит соседа за шею, пригнет вниз и не спеша, с усмешкой ткнет лицом в стол – мол, знай свое место.

Генералиссимус степей не обращает внимания на Паруса, не замечает его. А тот не знает, что делать, нервно потирает руки, всем своим видом являет ожидание приказаний.

Но Бацеху сейчас интересуют лишь вещи, расставленные на столе. Он внимательно, не торопясь, как рачительный хозяин, осматривает унты – сначала один, потом второй. Короткие, толстые пальцы мнут, тербят, выворачивают то так, то сяк высокое меховое голенище. Мех не истрепанный, гладкий. Подметки совсем не стертые. Бравые унты. Здесь обычно говорят «бравый» вместо «хороший». Молча ставит унты на пол рядом со своим стулом. Не трожь. Мое. Тонкая линия черных, маслянистых усов как будто прочерчена сажей на желтом, обрюзгшем лице. Теперь эта линия повторяет улыбку крупных, ярких губ. Почти невидимая улыбка выделена этой черной, шелковой полоской. Кошачий взгляд раскосых глаз кажется мутным, подернутым полудремой. Но лукавая сонливость скрывает за туманной поволокой хищную жадность охотника. В двух темных агатах то и дело пробегают желтоватые с прозеленью искры, блестит веселая, кошачья жестокость.

Дверь землянки распаивается снова. Появляются два закадычных друга, два свирепых ангела, неотлучно сопровождающих грозное божество степей. Они занимают свои обычные места за столом, и теперь вся троица явлена взору Паруса, суровая, властная, словно ниспосланная в мир, дабы карать с библейской непреклонной безжалостностью всякую своевольную тварь.

По правую руку – Скок. Худосочный товарищ тучного богатыря. Этот все время норовит потрафить хозяину, но нагл и задирист с другими. Любит подначивать, умеет дразнить и подзуживать, а стоит где-то вспыхнуть ссоре, вскидывается и раздражается залившимся лаем крошечной собачонки: «Да как ты это терпишь?! Да за кого они тебя держат?! Да я бы за такое...» А сам на всякий случай жметя поближе к Бацехе.

Сейчас Скок жмурится, причмокивает сморщенными, сухими губами. Покрасневшие глаза не видят ничего, кроме коньячной бутылки.

– Баце, Баце, смотри, какой коньяк для нас ары сделали.

И рассказывает к слову, как были у них на зоне один ара и один айзер. А разницы вообще никакой. У обоих носы торчат. Он им носы правил. Сначала одному сломал, потом – другому. Скок смеется, сотрясаясь всем шуплым тельцем, и показывает невидимым врагам мелкий, костистый кулак. На маленьком мышинном лице – выражение победного торжества. Он страшно гордится своими ходками. Трижды попадался на глупых кражах. Зато теперь ему есть что вспомнить, всякий день он развлекает Бацеху своими историями. Все его истории про то, как он, Скок, кого-то избил, изломал, изувечил. Всю зону в кулаке держал, пикнуть при нем боялись.

По левую руку от Бацехи – Копыто. Этот – молчун. Вот и сейчас как воды в рот набрал, но по роже видно – не верит ни одному слову. Эта рожа, бугристая, вся в красных пятнах, словно вылеплена из сырого фарша. Для бесконечных рассказов Скока у него только брезгливая усмешка. Он кажется медлительным и неповоротливым. Рядом со стрекочущим, ерзающим, дерганным дружком он – полуфабрикат, недожаренная котлета. Только с ним надо полегче, поосторожнее. Кривая ухмылка, пустой, отсутствующий взгляд, немногословные ответы, хруст туго сплетаемых пальцев могут в любой момент смениться приступом дикой, звериной ярости. В эти моменты не остановится ни перед чем, не пощадит никого. Такой не сядет за мелкую кражу, тут подойдет разве что разбой и убийство с особой жестокостью. Он будет стоять, молчать, наклонять голову, смотреть куда-то в темный угол, но потом взорвется, как переполненный паром котел.

Скок это хорошо усвоил. Конечно, когда подвернулся случай, он не мог устоять и попытался сравнить Копыто с Бацехой. Только Бацеха и смог спасти незадачливого провокатора, вырвав его, полумертвого, из цепких рук. Налившиеся кровью глаза могли стать последним,

что придушенный Скок увидел в своей жизни. Хотя потом он и рассказывал на станции, что, если бы не Бацеха, – ох, и досталось бы Копыту, мать родная не узнала бы.

При этом говорливый, затейливый Скок имел и явное влияние на своего друга. Он как-то мог увлекать его неизменно дурацкими замыслами. Не так давно они вместе украли и привезли в поселок тяжелый двигатель от моторной лодки. Как они вдвоем дотащились с ним на мотоцикле до самого поселка, не мог понять никто, но Скок уверял, что в таких двигателях есть ценный металл. Ничего ценного там не нашлось, и разобранный, бесполезный механизм навсегда остался в прихожей бывшего общежития.

Теперь, уловив на рыхлом лице Копыта первые признаки недовольства, – болтовня о лагерных подвигах задерживала дегустацию напитка – Скок прервал свои рассказы и без обидных предположений отметил успех ночного дела.

Это были те волшебные слова, которых, кажется, только и ждал топтавшийся у стены Парус. Как он засуетился! Уже ни одна часть его тела не могла пребывать без движения. Он задергался, он запрыгал от волнения, весь заходил ходуном, как деревянная марионетка, которую дергают за все нити одновременно. Отметить успех. Отметим успех. Чтобы нам отметить успех, нужна посуда. Кружки – на полке. Уже и руку протянул... Но не взял. Сначала надо чистоту навести. Рванулся к столу. Смахнул рукой. Потом к печке, там на приступке засохшая комком тряпка. Снова к столу. И давай тереть свободное место. Не прикасаясь к вещам. К вещам – ни-ни. Затем тряпку на пол и ногой под кровать. Снова к полкам. С кружками к столу. Вот они – четыре эмалированные кружки. Поставил в ряд – зеленая, белая, синяя и опять зеленая. Потом поменял местами, чтобы зеленая рядом с зеленой. Так правильно.

Бацеха открыл бутылку. Толстые пальцы сдернули крышку, не отвинчивая, одним движением, как бумажный колпачок.

Разлил на троих. Четвертая кружка, зеленая с потрескавшейся эмалью, осталась пустой.

Только что не знавшие покоя руки Паруса безвольно повисли. Взгляд сначала испуганно заметался, затем застыл.

Парус отступил к стене. Переминался с ноги на ногу. Шмыгал носом.

Одна кружка стояла пустой, как будто была лишней.

Бацеха с Копытом хлопнули сразу, как мужики. Скок расстегнул телогрейку, закинул ногу на ногу, смаковал напиток, причмокивая губами. Морщился, мол, коньяк не так чтобы очень, пробовали и получше.

Копыто перочинным ножом открыл банку тушенки.

В душе у Паруса мертвая пустота. Отсутствующий взгляд уперся в стену землянки. Вместо порывистых движений – приступы мелкой дрожи, как будто остатки неизрасходованного волнения сотрясают худое тело.

Парусу кажется, что он уже очень давно в этих краях. Совсем уже оскотинился человек, еще немного – и не станет Бориса Паруса. История известная и повторявшаяся здесь не раз. Будет отправляться на короткие заработки, потом возвращаться в поселок, где деньги у него отберут. Будет бродить пьяным, орать во всю глотку. Потом будет сидеть молча, долго глядя перед собой бессмысленным, овечьим взглядом. Станет непригоден и для случайных заработков, но сразу не загнется, будет как-то скрипеть, всем надоест своим попрошайничеством, несколько раз будет бит и наконец заснет где-то на холодном ветру среди обломков, оставшихся от колхозных строений.

А он все же нашел в себе силы. Захотел жить по-новому. Прибил к Бацехе. Все терпел, пинки и тычки не считал.

До этого он жил в маленькой землянке с Бедой и Капитаном. Эти два урода его приютили, когда пришлось со станции сматываться. С ними была не жизнь. Это не для него, это для полулюдей. А он – Борис Парус, великий человек. И он смог подняться. Узнал, где они держали

свои деньги – то, что удалось скопить хитростью, то, что не отобрали. Купюры были у старой. Храните деньги в сберегательной кассе! Сдохнуть от смеха... Она живет в бывшей общаге. Он рассказал Бацехе и двум другим. Скок с Копытом пошли, и старая все отдала, повинилась, отпираться не стала. Беда и Капитан остались без всего, но они в любом случае должны были все потерять. Все знают, что Беда несколько раз хотел навсегда покинуть поселок, но каждый раз возвращался пустым. Так было бы и в этот раз. А Парусу разрешили жить при Бацехе. Даже жрать давали. А вчера взяли с собой.

В Кыхме нельзя работать. Парус давно это понял. Беда и Капитан то и дело промышляли мелкими приработками. Втягивали и его. Но даже от такой временной работы перестаешь быть человеком. Кто работает, тот – дерьмо.

Эта степь – однообразная, одноцветная, тоскливая – многократным повторением самой себя она говорит об отсутствии всякого смысла. Однако степь имеет одно оправдание: это пространство существует ради овец. Люди и овцы здесь постепенно сливаются воедино. Люди становятся овцами.

Военная часть – бетонный загон, где сбиваются в гурт военнообязанные овцы. Они блеют хором, стучат на плацу копытами кирзовых сапог. Одинаковые, они повторяют друг друга в бесконечном строю, неразличимые овцы вооруженного стада. А гражданские в своих хозяйствах, на своих отарах, раскиданных по склонам одинаковых сопок, все – бесправные, бессмысленные, шумные, как скот у кормушки.

Наниматься в работы – значит идти к овцам, втягиваться в овечью жизнь, превращаться в овцу.

Парус успел насмотреться на эти овечьи труды. Теперь они проходят перед его глазами нескончаемой чередой.

Весной – стрижка. Тонкорунные породы дают ценную шерсть. Она стоит денег. И вот из длинного ангара выбегают блеющие твари. Прежде они казались мягкими и тучными, они медленно шли по своим пастбищам, склонив морды к поросшей скудной зеленой земле. Теперь они вдруг отощали и стали напоминать каких-то странных, уродливых собак. Они перепуганы – наверное, не узнают друг друга. Их шкура кровоточит, покрыта мелкими порезами. Грубо, не церемонясь, у них отняли накопленное за год богатство. Как у Беды и Капитана – у них тоже забрали все. Их ни о чем не спросили, не стали ничего объяснять. Их должно резать или стричь.

Парус помнит, как болят по вечерам руки от вибрации машинки на длинном металлическом шнуре. После каждой овцы в ведомости – отметка, а в конце дня – деньги. Для умелых рук снять овечью шерсть – дело десяти минут. Беда и Капитан ловко орудовали у своего верстака. А новичок будет возиться с час и даже не отобьет казенных обедов. И еще – крики, жужжание машинок, блеяние изрезанных в кровь овец, тяжелая, навозная вонь. Скорее, давай, давай! Отару нужно пропустить за день. Завтра чабаны пригонят следующую. Гонят овец – гонят людей.

То, что бывает осенью, называется сакман. Овцы плодятся, чтобы наполнить пространство загонов. Ведь люди тоже плодятся, чтобы не пустовали их загоны – военная часть, тюрьма, станция и заброшенный поселок в степи.

Когда появляются ягнята, отару делят на небольшие группы с пометом примерно одного возраста в каждой, иначе – как у людей – молодняк покрупнее будет отбивать молоко у тех, кто поменьше. Подросшие ребята будут отталкивать от матерей своих более слабых сородичей. Пасти эти временные группы нужно отдельно, следя, чтобы овцы – они, как и люди, любят сбиваться в стадо – не воссоединились. Поэтому осенью чабаны нанимают сакманщиков.

Зимой, когда выжить в поселке особенно трудно, трудно и найти работу. Можно разве что податься на отару к каким-нибудь старикам, чьи дети давно переехали в город, и пасти

овец на холодном зимнем ветру за еду, а если повезет, за совсем небольшую плату. Многие согласны и на такую жизнь.

Но когда двуногие вернутся в свой хлев – тут-то самое интересное – денежки у них не задержатся. Бацеха, Скок и Копыто чувят купюры сразу, им стоит разок взглянуть на человечка, чтобы понять, где он припрятал свой заработок. А возвращаться без денег – хуже всего. За такое могут и убить. Пошел на заработки – приходи с заработком.

Разве овца может сберечь свою шерсть? Придет время, она лишится и мяса. Она – баранина, ее дело – шашлык. Можно еще наняться отары на бойню перегонять. Там конвейер целая бригада обслуживает. Конвейер движется – крюки движутся. По кругу, по кругу. Один добрый молодец подвешивает овцу головой вниз, проколов ей крюком задние ноги. Конвейер движется. Следующий перерезает кривым ножом горло – внизу есть желоб для крови. Запах плоти, приторный, сладкий, теплый. Конвейер движется. Большой короб для овечьих голов. Мутные, бессмысленные глаза, размазанные красные пятна на блестящем металле, тягучая слизь. Движется. Распарывают брюхо, вытаскивают потроха. Вонь утробного кала.

Движется. Несколько надрезов, и шкуру снимают быстро, как пальто в гардеробе. Движется. Здесь готовая туша, а там уже новую овцу за ноги подвешивают. Вечный круговорот крюков на мясокомбинате.

Парус иногда представлял такой же конец людей. Люди заслужили крюка. Они не любят Бориса Паруса.

Сейчас троица в землянке расслабилась. Они устали за ночь – теперь время отдыха, время удовольствия. А Парус здесь чужой. Бацеха уже разлил по второй. Три кружки. На дно четвертой не упало ни капли. Тяжелое уныние, монотонное, как степь, со всех сторон окружавшая Кыхму, все больше овладевало душой Паруса. Он попытался изменить свою жизнь. Последний раз он решил отчаянно побороться. Как бездомная собака, старался прибиться то к одним, то к другим. Он никому не нужен. Но вот наконец повезло, удалось притулиться возле Бацехи. Капитан и Беда взяли Борьку с собой, готовить помещение для сакмана. Он чистил загоны. Они плотничали, отрывали прогнившие доски и приколачивали новые. Когда вернулись, он и узнал про сбережения. При первой возможности побежал и все рассказал Бацехе. Умный парень. А дальше, как это часто бывает, надежда, питаемая страстным желанием, опередила действительность. Ему чудилось, что все уже получилось. Предвкушение успеха было слаще, чем сам успех. Он с насмешкой смотрел на лица вчерашних друзей. Вот Беда, вечный энтузиаст, борец за правое дело, ему не то что спешить, ему вообще идти некуда, а он спешит, торопится, деловой такой, гад, озабоченный. А вот долговязый дурак Капитан. Капитан-капитан, улыбнитесь!

Какое там улыбнуться, этот вообще ничего не соображает, смотрит перед собой остекленевшим взглядом, как будто его сейчас дубиной по башке отоварили. Сколько раз за этот злосчастный год Парус перебивался с ними в поисках случайного приработка! Сколько ночей провели они рядом в крошечной землянке или в пустой комнате бывшего общежития! Сколько выпили вместе! Тупые овцы. Скоро он сам будет у них значки отбирать. От него не спрячут. Его не обманут. Он ясно видел, как Беда и Капитан смотрят на него в испуге. Ведь он с Бацехой. Бацеха местный, такие всегда тут жили, и все – местные и пришлые – его уважают. Значит, боятся. А он своих никогда не тронет. Только чтобы слушались, когда нужно, но это – другое дело. Через своих Бацеха в курсе всего, что происходит. Он умный. Всегда знает, что где есть.

Когда Парусу разрешили жить в большой землянке, он стал всем слугой. Он то и дело Бацехе в глаза заглядывал, мотоцикл тряпочкой протирал, масло в движке проверял. Каждой шутке Скока он смеялся, каждый его рассказ слушал раскрыв рот. Кивал с восхищением. По первому слову Копыта бежал за водой, отправлялся просеивать уголь.

На этой нелюдимои земле робкое лето не загостится надолго. Холодные дни торопят его, гонят, не дают засидеться в низинах между высокими сопками. Надо топить печь или уходить из поселка, наниматься на отару за еду и скудное, пахнущее дымом и навозом тепло. Чтобы остаться, нужен уголь. Другого топлива здесь не бывает – все, что можно было сжечь из колхозных построек, давно сожгли. Есть еще, правда, половые доски в бывшем общежитии, где обитает бесформенная старуха, но их Бацеха трогать не разрешает, бережет для себя. И вот рядом с большой землянкой, которую занял хозяин Кыхмы, чернеет и блестит небольшая горка. При ней, как обычно, установлена металлическая сетка от кровати.

Она стоит наклонно, один конец покоится на земле, второй опирается на спинку, оторванную от той же кровати. Уголь, привезенный со станции, нужно просеивать. Перед тем, как топить печь, Парус берет лопату, бросает уголь из кучи на сетку, крупные куски скатываются по ней вниз, а пыль и крошка – то, что будет не гореть, а только дымить без толку – проваливается сквозь сетку на землю. Просеянный уголь Парус собирает в ведро и несет в землянку. От этой работы он освободил Скока и Копыто. Их дело теперь только покрякивать на него. Особенно придирчив бывает Скок. В ведре много крошки, куски слишком крупные, мало принес, много принес, положил так, что потухнет, положил так, что не разгорится, всю комнату продымил, весь пол золой засыпал.

Все это обычно сопровождается хорошим пинком, и задница Паруса дрожит преждевременной старческой дрожью. Но он терпит, надеясь стать таким, как они.

Сейчас лето закончилось, а настоящая зима еще не наступила. Можно было бы назвать это время осенью, но в здешних краях осень ничем не отмечает свое присутствие.

Дожди здесь редкость, и степь так быстро впитывает скупую небесную влагу, что слякоти и распутицы не увидишь. Здесь нет деревьев, чтобы заполыхать переливами желтизны, палая листва не будет шуршать под ногами. Осень приносит только ветра и холод. Зимой они станут сильнее. Нужно уже сейчас раздобыть хотя бы машину угля. Это получается не у каждого, но Бацеха может все.

Уголь в товарняках привозят на станцию. Там солдаты – черные, как горняки в забое, – вооружившись штыковыми лопатами и ломом, вываливают содержимое вагонов под откос. Грохот, скрежет железа. Мокрые и злые, как черти, парни в гимнастерках долбят, ковыряют, бросают. Их привозят автобусом из военной части. Работа – не позавидуешь. Каждый кусок топлива нужно добывать из железных недр. Зимой «мытый» уголь смерзается в одну большую глыбу. Никто не закован в цепи, не видно кандалов, колодок, металлических ошейников. Рабы этой каменоломни скованы приказом, окриком, матерной руганью. Их строем гонят разгружать уголь и строем погонят в казарму. И того, что смог Борис Парус, не сможет никто из них.

Самосвалы развозят уголь по котельным, по частным домам в поселках и отарам в степи, всякий раз вываливая груды блестящих черных кристаллов возле наклонно установленной ржавой сетки от старой кровати. Только в Кыхму ничего не привезут, потому что ее давно нет, она прекратила свое существование. Значит, нужно уметь договариваться – деньги, брага, самогон – нужно находить общий язык с теми, кто развозит уголь.

Парус с тоской смотрел на пустую кружку с потрескавшейся эмалью. Затем перевел взгляд на ведро для угля возле плиты. Оно тоже пустое. Скоро ему идти с этим ведром.

Скок хохочет. Он рассказывает, как якутов на зоне русскому языку учил. Коверкает, переиначивает слова, сильно шурится, смотрит, скорчив глупую рожу, то вправо, то влево.

Они ничего не понимают. А сами маленькие – одного ударишь, все друг за другом падают. Скок выбрасывает вперед сжатый кулачок, опрокидывая шеренгу воображаемых якутов. Снова заходится тонким, сиплым смехом.

Бацеха слегка улыбается, изгибая черную, маслянистую линию усов. Он доволен не столько болтовней Скока, сколько самим собой, своим плотным, грузным телом, наполненным теплом коньяка. Копыто, поигрывая перочинным ножом, хоть и сохраняет выражение

брезгливого недоверия, все же смотрит на неумолкающего друга без обычной неприязни. Он разомлел от легкого опьянения. Его рыхлое лицо кажется еще более бугристым, как будто его только что вспахали маленьким плугом. Оно из красного сделалось совсем бордовым, напоминая мякоть какого-то перезревшего и треснувшего фрукта. Он по-прежнему молчалив, но тихим сопением выражает явное удовольствие.

Всем в этой землянке сейчас хорошо – всем, кроме Паруса. Это не его праздник. То, что казалось осуществившимся, вдруг ускользнуло из рук. Все рухнуло. Больше ничего не будет. Чужое блаженство только усиливает тоску. Холодное, отупляющее отчаяние начинает овладевать умом. Ничего не хочется. И не надо, и не нужно. Все равно.

Когда накануне вечером они вчетвером – одна команда, один отряд – на двух мотоциклах выехали из мертвого поселка, Парус, сидя за спиной у Копыта, крепко прижимал к груди доверенную ему лапу – так здесь называют монтировку. Он держал эту лапу, как святыню, как бывшую надежду, как ключ от новой жизни.

Краем уха он слышал, что Бацеха встретился с кем-то и был разговор. Один мужик, короче, начал совать свой нос в чужие дела, стал проявлять интерес к районной бухгалтерии и вообще раскачивать лодку. Подробности неизвестны. Сейчас он с семьей на станции. Нужно сделать первое предупреждение.

Часа три они кружили по проселочным дорогам. Сумерки – первая завязь тьмы, зародившаяся в низинах. Затем чернота стущалась, набухала, ползла вверх по склонам. Наступила непроглядная ночь, сопки исчезли, они лишь угадывались по спускам и подъемам двух рокотавших мотоциклов. Только Бацеха мог найти нужную им дорогу. Остановились на окраине селенья. Парус не знал этого места, или не узнал в темноте – он ведь успел в поисках заработка покружить по степи с Бедой и Капитаном.

Заглушили мотоциклы и подошли к калитке. За ней небольшой участок и деревянный дом. На соседних участках захлебывались от лая собаки. Осмотрелись по сторонам. Бацеха счел, что все спокойно. На лай он внимания не обращал. Взял у Паруса лапу. Судя по покосившемуся забору, дом небогатый.

Эти голоштаные правдоискатели вечно путаются под ногами.

От одного движения калитка слетела с петель. Мотоциклы оставили снаружи, Парус должен был стоять при них, как часовой. Бацеха, хромая, пересек двор, поднялся по трем деревянным ступенькам на крыльцо и, орудуя лапой – в его руках она казалась невесомой и всемогущей, как волшебная палочка, – сковырнул висячий замок. Дернул ручку. Дверь не открылась. Внутренний запор. Скок и Копыто топтались сзади, о чем-то перешептывались. Парус, в темноте не видевший, но скорее угадывавший по смутным движениям фигур на крыльце, что происходит, чувствовал, что от волнения сердце колотится все сильнее. Бацеха вставил острый загнутый конец лапы в узкую щель, слегка поднажал, затем навалился всем корпусом, как на рычаг. Сухой, деревянный треск. Теперь Бацеха уперся в дверь плечом и снова давит на лапу. Копыто помогает, Скок матерится. Еще чуть-чуть. Снова треск.

Дверь – настезь. Путь открыт. Дело пары минут – и ночные посетители заходят в чужое жилище, хранилище чужой, незнакомой жизни.

Три фигуры скрылись в черноте дверного проема. Через минуту в доме вспыхнул свет. Парус подумал, что там кто-то есть, и хотел убежать, но вовремя сообразил, что свет включили сами незваные гости. В чужой дом Бацеха шел без фонарика, он послал Скока шарить по стенам в поисках выключателя.

И вот бедный Парус ждет один у сломанной калитки.

В доме никого, вокруг тоже ни души. Парус понимал, что бояться нечего, но ему все равно было страшно. В незнакомом месте, среди уходящих в черноту глухих заборов, во тьме, переполненной несмолкающей яростью, которую псы пасти злыми клочьями бросали

в порывы холодного степного ветра, одиночество Бориса Паруса было тягостным, тревожным, чреватым угрозой. Даже стало мерещиться, что кто-то подкрадывается сзади. Парус старался успокоиться. Он мысленно повторял очевидные, всем известные вещи, потому что ничто так не успокаивает, как банальности. Он утешал сам себя, как добрая мать утешает испуганного ребенка. Все будет хорошо, не надо бояться. Вот чужой дом. В него всегда надо входить открыто, не прячась, не таясь. Потому что соседи крепко-крепко спят. Они очень устали и отдыхают после трудного дня, полноценный ночной сон полезен для их здоровья. Они сами позаботятся о том, чтобы ничего не видеть и не слышать. Это их прямая обязанность, их добрососедский долг. Зато утром эти простые люди будут рады-рады, что приходили не к ним. Может быть, они еще будут рады, что приходили к тому, кто живет рядом с ними.

С собаками, конечно, не договоришься, эти так и будут брехать, как вражеская пропаганда. Глупые они звери, разве они понимают, что к чему?

Вообще-то Парус любил собак. Но в исчезнувшем поселке их больше не было. Пес – извечный хранитель мест, где пахнет очагом и хлебом, он выкликает на отрывистом, односложном языке свою неизбывную правду о том, что здесь живут свои, одни лишь свои, только свои, а чужих сюда не звали.

Пес поносит чужаков, он грозит им, он кричит им: «Пошли прочь, прочь, прочь!» В Кыхме нет ничего своего, и охранительный голос псов не оглашает пустоты покинутых жилищ.

Случалось, правда, что в бывший поселок забредал – может быть, влекомый запахом прошлой жизни – какой-нибудь бездомный друг человека. Молодая собака могла убежать с отары и потеряться на просторах степи. Ее могли прогнать чабаны: они держат собак, но если одна из них начинает попусту гонять молодняк или кусает ягненка, ее гонят прочь, а то и убивают, пристрелив из охотничьего ружья. Бездомное создание иной раз находило кратковременный приют в мертвом поселке, но уже через несколько дней можно было заметить собачью голову там, где начинается склон ближайшей сопки. Кыхма не Ноев ковчег, чтобы всякую бессловесную тварь привечать, а собачатина обещает на время теплую, жирную сытость.

Правда, была, была тут одна дворняга, лохматая, ничем не примечательная сука, которая сумела как-то поладить с неласковыми обитателями поселка. Росту небольшого – в холке не выше колена, рыжая, шерсть клоками свалаялась, блохастая страшно, на брюхе залысина величиной с ладонь – словом, все как у всех, не видно в ней было ничего выдающегося, ничего напоминавшего о благородной красоте собачьего племени. Только уж очень выразительная скотина была. Она не просто так обреталась в Кыхме, она с людьми разговоры разговаривала. В черных блестящих глазах были слова – вот вы поели, а тут, между прочим, собака голодная. В торопливых метаниях баранки загнутого вверх хвостика – давайте вместе радоваться, смотрите, как нам хорошо сейчас. В скулящем повизгивании – ну, извините, извините, простите, если что не так. А чтоб лаять – так она не лаяла никогда. Очень умная была сука, человеческая. Впрочем, был у нее один отличительный знак, особая примета – на рыжем собачьем лице, прямо над пастью – два клочка черной шерсти, словно маленькие усики.

За эти усики ее – хоть и сука – прозвали в поселке Гитлером. И думается, получение имени, даже и такого, служило собачонке вроде как охранной грамотой.

Парус к этой собаке питал самое нежное чувство, часто с Гитлером разговаривал. Объяснял, что судьбы их в чем-то схожи, ведь и она тоже, наверное, сбежала, покинула место, где полагалось ей нести свою собачью службу, выбрала степь, пустоту, скитание и обосновалась наконец в мертвом поселке. Собачонка не спорила, она Паруса понимала. Конечно, она тоже видела сходство между ними, но совсем не зазнавалась, она всегда помнила, что она всего лишь маленькая собака, а он – человек, большой, даже великий человек. Другие обитатели поселка также общались с Гитлером не без улыбки: «Хайль Гитлер!», «Гитлер капут!» – говорили они, и было в этих словах что-то отдаленно напоминавшее ласку. Какие-то остатки забытого добродушия пробуждал в них шелудивый Гитлер. У псины даже появилось свое жилье – она про-

рыла узкий лаз под кучей грязной стекловаты, рубероида и шифера в том месте, где когда-то была колхозная баня. Туда она заползала, прижимаясь брюхом к земле, когда сердито выл степной ветер. Беда и Капитан не позволяли Парусу пускать блохастого Гитлера в маленькую землянку, где и без него им втроем было тесновато. Днем Гитлер носился по всему поселку, со всеми затевал общение, пробовал с самым жалобным видом клянчить еду, бегал в степь, осваивая искусство ловить полевок, в чем, судя по всему, весьма преуспел. Особую радость он выказывал при встрече с Парусом. Когда тот со своими старшими товарищами отлучался на заработки, Гитлер грустил, печально подвывал, лежал в своей норе под строительным мусором, а потом, словно заранее извещенный о времени возвращения друга, встречал на дальних подступах к поселку, прыгал, падал на спину и подставлял брюхо с жесткой кожаной залысиной, выведенной лишаем.

Но пришла зима. Скок, большой любитель собачатины, веривший в ее целебные свойства, давно присматривался к появившейся в поселке суке. Гитлер казался ему жирным, он обещал наваристую похлебку. Когда наступают морозы, мясо можно сохранить. Чабаны в эту пору режут свой личный скот, выкладывают на фанерных листах в сараях ровные ряды замороженных пельменей с бараниной, подвешивают на крюк куски свинины, набивают вычищенные кишки прокрученными в мясорубке потрохами.

В начале зимы Гитлер пропал. Он больше не семенил от развалин старой бани до дверей землянки, его повизгивания не было слышно, черные усики не качались смешно над белыми зубками. Никакого секрета тут не было. Скок и Копыто хвалили Гитлера за то, что он нагулял жир к зиме. Рыжая голова с черными усиками лежала на сухой траве рядом с четырьмя тонкими лапами.

Парус в то время сильнее, чем когда-либо прежде, почувствовал щемящее безразличие ко всему. Он смотрел вокруг и видел, что все люди в поселке – лишённые жизни персонажи, выдуманные, вымышленные, играющие предписанные им роли. Он мог часами придумывать им прошлое – ужасное, бредовое прошлое, прошлое, на каждой странице которого они становились все более смешными, жалкими и не заслуживающими жалости, прошлое – наказание, прошлое – месть. Их будущее он отменил, перечеркнул, замазал до нечитаемого состояния множеством нервных зигзагов воображаемой авторучки по листу воображаемой рукописи. Они все перестанут существовать. Это можно устроить. Например, военные вместо своего обычного полигона разнесут в клочья поселок, которого все равно нет на карте.

И вот что странно – главное бремя вины он возлагал на Беду и Капитана. Если бы они дали Гитлеру ночевать в их землянке – так говорил себе Парус – он бы остался жив. Они жалели для него еду. Они не защитили его. Он также судил без малейшего милосердия и других обитателей поселка. Каждый предстал перед ним как соучастник. Даже бесформенная старуха – Парус считал ее бессмысленным и плохо прописанным персонажем – должна была понести свое наказание. И он решил, что Бацеха застрелит ее из охотничьего ружья, как чабан – дурную собаку, нападающую на ягнят.

Еще более странным было то, что затаенная злость Паруса не касалась Скока и Копыта. Эти два персонажа царили в поселке, они забирали у всех все, что захочется, они поклонялись только одному божеству – хромому идолу Бацехе. Теперь они съели маленькую, рыжую суку с черными усиками на морде. Именно тогда у Бориса Паруса родилось желание отделиться от простых граждан Кыхмы и встать рядом с ее правителями. Уйти от тех и примкнуть к этим.

Потом Гитлер как-то забылся, ему трудно было удержаться в короткой памяти жителя несуществующего поселка, переполненной ежедневными заботами, голодом, холодом, ссорами, пинками и оплеухами.

Теперь, стоя у сломанной калитки на темной улице, Парус слушал неистовые речи цепных ораторов, яростно выкрикивавших в соседних дворах свои беспощадные требования, без усталости призывавших к кровавой расправе над чужаками.

И он вспомнил суку, которую прозвали Гитлером, которая не лаяла никогда, потому что у нее не было своего двора и ей нечего было сторожить. С этим воспоминанием волна старого равнодушия накатила снова, смешавшись с ночным страхом безлюдной улицы.

Парус нарушил приказ – он оставил мотоциклы без присмотра, пересек темный двор и вошел в чужой дом.

Зажмурившись, он подождал, пока глаза привыкнут к яркому свету. Потом миновал прихожую, где с вешалок на стене свисали гроздь старой одежды. Вошел на кухню. Здесь все было слишком занято, и появлению Паруса никто не придавал значения. Бацеха – веселая, злая улыбка сияет на его лице – сидит, опираясь локтями на застеленный синей клеенкой стол. Он рассматривает сережки и маленькое колечко с красноватым камешком. Кумир с золотыми подношениями своих язычников-прихожан. Сует изделия из драгоценного металла в тугий карман ярко расшитого жилета. Наверное, будет подарок. Говорят, у него две жены на разных отарах.

Судя по обстановке, здесь вряд ли попадется что-то ценное, все больше мелочи, ерунда, безделушки. На краю стола – бутылка армянского коньяка. Она обнаружилась в глубине кухонного шкафа, чье содержимое теперь – полка за полкой – Скок с грохотом вываливает на пол. Откуда коньяк?

Скок смеется:

– Жена заховала, чтобы муж не нашел. А мы нашли!

Рассыпанная повсюду гречневая крупа, как песок, хрустит под ногами.

Парус старается не поскользнуться на осколках тарелок.

В соседней комнате – грохот мебельных обвалов, хруст разрываемой ткани, звон разбитого стекла. Там орудует Копыто.

Они не какие-нибудь воришки, украдкой забравшиеся в чужой дом. Бацеха никогда ничего не делает потихоньку.

Брать нужно открыто, не прячась и не боясь, бояться должны те, кто живет в этих поселках.

Они пришли сюда по праву, пришли восстановить справедливость. Они и есть справедливость. Они всегда наказывают тех, кто заслуживает наказания. Вина и справедливость – две вещи, очевидные сами собой, их не надо объяснять и доказывать, они – как дыхание, они существуют, не нуждаясь в осознании. Те, кто живут в этой хибаре, виноваты. Те, кто живут вокруг, тоже виноваты и должны ждать справедливой кары. Все, что делает Бацеха, правильно. Все, что делают Скок и Копыто, тоже правильно. Это их право и даже их обязанность.

А еще им нравится наказывать. Право наказывать других – самое приятное право на свете. Оно выше всех остальных прав. Но только они всякий раз проявляют излишнюю мягкость, наказывают недостаточно, наказывают не всех, кто провинился. Да, это так, и они это знают. Но это их доброта, за которую обитатели сел должны быть благодарны до конца своей жалкой жизни. Они должны кланяться в пояс, должны, как говорится, ноги мыть да воду пить. Вот другие бы с ними так по-хорошему не обходились.

– Повезло сволоте, что я такой добрый, – нередко говорит Бацеха. Два его апостола с пониманием кивают, вздыхают, соглашаясь – мол, тут ничего не поделаешь, такой доброты еще поискать. А жители сел не ценят, не понимают. Неблагодарные свиньи.

Сейчас Скок обнаружил банки говяжьей тушенки и выставил их на стол. Сказал вполголоса, что раз он это нашел, значит, это для всех. Он-то прятать от своих ничего не будет, он не то, что некоторые. Еще понизив голос, чуть слышно прошептал, что не надо бы оставлять Копыто одного в соседней комнате. Наверняка уже что-нибудь по карманам рассовывает. А

теперь шумит, внимание отвлечь хочет. Он, Скок, так никогда не сделает. Он за такое на зоне никому спуска не давал.

Бацеха хорошо знал, что в таких домах деньги бывают редко. Он слушал Скока и улыбался своей обычной улыбкой, многозначительной или ничего не значащей. Эта улыбка, как большой амбарный замок, закрывала доступ в хранилище его мыслей и намерений, о которых все должны были узнавать лишь тогда, когда их результаты уже будут достигнуты.

Не встретив явного отклика на свои слова о коварстве друга, Скок обратил наконец внимание на стоявшего в дверях Паруса. Хрустя по рассыпанной гречке и осколкам стекла, он двинулся к Борису, чтобы отвесить ему хорошую оплеуху и пинками погнать назад к мотоциклам, но по пути успел передумать. Он выразительно, несколько раз ткнул рукой в сторону соседней комнаты. Такой пантомимой он послал Паруса понаблюдать за Копытом. Парус без слов понял его приказ.

Копыто, как оказалось, уже разломал всю мебель в комнате до последней табуретки, изорвал занавески и простыни, а теперь рассматривал вываленное на пол содержимое старого шифоньера, раздраженно и брезгливо ворошил носком ботинка то одно, то другое. Он заранее знал, что ничего стоящего не будет, и все больше злился на отсутствующих хозяев жилища.

Посмотрев немного из коридора, Парус отправился обратно на кухню. Ему очень хотелось понравиться своим новым товарищам, в первую очередь Бацехе. Сейчас – время настоящего дела, и нужно выглядеть молодцом, а не овцой с отары. В коридоре Парус сорвал со стены зеркало и грохнул его об пол. Осколки полетели во все стороны сверкающими ледяными брызгами. Парус вспомнил сказку о Снежной Королеве. Разбилось зеркало, и по всей земле разлетелись его осколки, подхваченные зимней вьюгой. Красиво.

Выйдя на кухню, Парус громко объявил, что ненавидит тех гадов, которые здесь живут, и пришло время, когда им придется ответить за все, что они натворили. Парус понятия не имел, кто здесь живет и что они натворили, но это значения не имело. В подтверждение своей решимости он уперся левой рукой в стену, а правой ухватился за край холодильника. Сбрав все силы, рывком опрокинул старый агрегат на пол. Под этот грохот в дверях появился Копыто. Его скромная добыча ограничивалась новыми унтами, небольшим плоским телевизором и блестящим баллончиком с лаком для волос, который он бережно засунул в карман телогрейки. Теперь, когда все были в сборе, Парус почувствовал новый прилив сил. Он решил, что пришло время показать, на что он способен. Борис заметил три чайные чашки, уцелевшие в сушилке для посуды. Он схватил с полки большую сковороду и, словно теннисной ракеткой, вдребезги расколотил эти хрупкие остатки домашнего уюта. Затем одним ударом снес и саму сушилку. Потом гневно отбросил свое оружие, что-то прокричал про вонючих сук и опрокинул ногой большой бидон для воды. Краешком глаза он следил за впечатлением, которое производит его геройство, и видел, что пока не добился желаемого эффекта. Все его подвиги не вызвали никаких заметных чувств на лицах товарищей, которые собирались уже покинуть хату и в качестве наказания хозяевам тоже крушили оставшиеся вещи. Они старались не задерживаться надолго на новом месте, делать все быстро и слаженно. Скок срывал со стен старые фотографии и рвал их в клочья, как будто не мог сдержать отвращения к черно-белым мужчинам и женщинам за их серьезно-глупый вид. Копыто сломал о стену стул, подломив сразу две деревянные ножки. Бацеха смотрел по сторонам, чтобы убедиться, что ничего целого в доме не осталось. Парус понимал, что сейчас нужно совершить что-то действительно выдающееся. Он расстегнул штаны, поднатужился и начал мочиться в опрокинутый холодильник. Это было весьма сильным поступком. С торжеством и гордостью Парус окинул взглядом трех товарищей. Он чувствовал себя д'Артаньяном, предлагавшим свою дружбу трем мушкетерам.

Однако Бацеха и тут не обратил внимания на беспримерную доблесть юного члена его команды. Упершись обеими руками в проломленный в середине стол с порванной клеенкой, он поднялся и, тяжело передвигая правую ногу, направился к выходу. Скок и Копыто, прихватив

небогатую добычу, сразу устремились за ним. Парус не на шутку заволновался. Ему пришло в голову, что новые друзья вполне могут его бросить, то есть могут попросту завести свои мотоциклы и уехать втроем. Нужно было постараться справиться нужду поскорее: теперь, когда он уже начал, было невозможно остановиться так сразу. Тонкая желтая струя разбивалась о белую стенку.

Хлопнула наружная дверь. Больше медлить нельзя. На ходу застегивая ширинку и чувствуя ляжками влажное тепло последних капель мочи, Парус выскочил во двор.

Он успел как раз вовремя. Двигатели сердито рокотали, недовольные людским промедлением. Обратная дорога не знала конца. Бесцветный рассвет, скучный и однообразный, предстал как небесное отражение бесплодных земных пространств, мутными наплывами стекал по склонам сопок в низины. Теперь Борис отвечал не только за лапу – Скок сказал, что проломит ему башку, если что-нибудь случится с телевизором, а Копыто сунул до кучи тяжелый пакет с тушенкой. Руки начали ныть. Парус с трудом удерживался за спиной у Копыта на постоянных подъемах и спусках, плотно сжимая мотоцикл ногами. Но терпел, стиснув зубы. Теперь он мужик и живет настоящей мужской жизнью. Он связан узами настоящей мужской дружбы. Радость придавала ему силы. Возбужденное воображение ярко рисовало мерзкие, уродливые лица его прежних товарищей по несчастью. Капитан и Беда, два идиота.

Беда с месяц назад где-то раздобыл целый мешок трухлявых макарон. Наверное, этому уроду заплатили просроченными макаронами за работу. А чем еще ему заплатить? Теперь он их варит и каждый день жрет эти прогорклые комья. Пусть чавкает, пусть давится, пусть потчует своего Капитана. Борису Парусу, великому человеку, такие макароны больше не нужны.

Картина ожила, заиграла красками и движением. Вот, набив брюхо макаронами, мерзкими, скользкими, липкими, тягучими макаронами, они выползают из своей норы. Скажем, на прогулку, скажем, у них такой променад. Погода отличная, тепло, солнышко светит. Оба идут навстречу Борису Парусу.

Вот так сюрприз! Сколько лет, сколько зим! Они улыбаются.

Он тоже улыбается. Здорово, как дела? Да все в порядке, живем понемногу. И тут без всякого промежутка – хрясь – ногой промеж ног. Голкиперским ударом. Только кого из двоих сначала? Трудно выбрать, но первым будет – Беда. Парус ясно представил торчащую вперед острую бороденку Беды. Вечно машет руками. Вечно чего-то требует. Все время талдычит про Ленина и про Гагарина. Этих двоих уважает больше всего. На! Получи Ленина между ног! И все политбюро туда же.

А теперь – в полет, как Гагарин. Поехали!

Но Капитан успеет тем временем убежать. Нет, так не годится. Этот грязный, вонючий, одетый в рванину Капитан с вечно всклокоченными волосами. Часами может сидеть, глядя на пустую стену перед собой. Ничего не слышит. На все вопросы тупо отвечает «да». Пусть первым будет Капитан!

На, лови! С лету. Капитан дергается на земле, как курица с отрубленной головой. А куда это наш Беда собрался? Что это тут с нашим энтузиастом? Нет, начать лучше с Беды. А Капитан от нас никуда не денется. В какое-то мгновение толчки мотоцикла на тряской грунтовой дороге и картина корчащихся от боли товарищей слились воедино, как-то совпали по фазе, образовали новую гармонию, многократно усилив друг друга в нарастающей синергии. Восхитительное чувство пульсирующей сладостью разлилось по всему телу. Парус вдруг понял, что ощущает полноценный оргазм, какого не испытывал уже давно, совсем не похожий на те торопливые оргазмы в пустой постели, которые не радуют, а лишь избавляют на время от слишком сильного желания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.